ART OF WAR

Каим Шайхитдинов

ДНЕВНИК ОФИЦЕРА

КАИМ ШАЙХИТДИНОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

У каждого человека есть периоды жизни, которые особым образом отразились в его сознании, оставили неизгладимые следы, запомнившись в мельчайших подробностях. Одним из таких отрезков моей жизни является период пребывания во Вьетнаме.

- Шайхитдинов Каим
  - От автора
  - Путь пролегает через Китай
  - Первые дни
  - Окопы, бомбы, ракеты
  - На стартовых позициях
  - Осваиваемся. Новые знакомые
  - Переводчики Нам и Ням
  - Китайцы во Вьетнаме
  - Заводы под кронами деревьев
  - Почему ракета не попадает в цель?
  - Радиопомехи
  - Вместе смотрим кино
  - Без каски под бомбежкой
  - Конференция. Знакомство с Щербаковым
  - Приемы по случаю. Доктор в гостях
  - Письма на родину
  - Поездка в ароматную пагоду
  - Командиры и технари. Наши будни
  - Ответственное поручение генерала
  - Переезд в Ханой. Даманские события
  - Два генерала. Размышления о Вьетнаме
  - Последние дни
  - Послесловие

Шайхитдинов Каим
Дневник офицера

От автора

У каждого человека есть периоды жизни, которые особым образом отразились в его сознании, оставили неизгладимые следы, запомнившись в мельчайших подробностях. Одним из таких отрезков моей жизни является период пребывания во Вьетнаме.

Многострадальный народ Вьетнама, сумевший одержать победу в войне над сильнейшим представителем империализма — США, показавший чудеса героизма, невиданной выдержки, потряс мою душу. Эта страна со сказочной природой: тропическими лесами, причудливыми горами, реками, удивительно красивым небом полюбилась моему сердцу. Об угасании этих чувств любви нет разговора даже по истечении многих лет жизни. Я люблю эту страну так же преданно и нежно как тогда, в тот день, когда я ступил на землю этой страны.

В течение года я исколесил Северный Вьетнам вдоль и поперек, проехав по его дорогам около сорока тысяч километров! Днем и ночью, под знойным солнцем и тропическими ливнями, во время бомбежек и редко выдававшихся свободных дней мы, советские военные, бок о бок с вьетнамскими друзьями шли к долгожданной победе. Из всех возможных сил били и уничтожали агрессора, спасали от смерти людей.

Иначе и быть не могло, ведь мы были представителями первой страны социализма!

Прошло много лет с тех пор. Но вновь и вновь встают перед глазами воронки из-под бомб, разрушенные города и села, заводы, школы и больницы.

Большинство из советских специалистов, побывавших во Вьетнаме, были очевидцами Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, унесшей более двадцати миллионов жизней. Вьетнамцы знают об этой войне, много о ней расспрашивали. И недаром они обратились за помощью именно к советскому народу, народу, знающему цену борьбы за свою независимость.

Эта помощь пришла. И не только в виде вооружения и боевой техники, одежды, продовольствия, дипломатической и моральной поддержки. Пришли помогать л ю д и, порой рискуя своей жизнью, но честно выполняя свой интернациональный долг. Об этих людях, прошедших лишения и невзгоды ради свободы и независимости вьетнамского народа, о братьях-вьетнамцах, защищавших свою страну от агрессора, об их прекрасной стране этот рассказ.

Путь пролегает через Китай

В середине марта 1968 года Москва оказалась в снежной стихии. Тучи, спустившись на высоту птичьего полета, изрыгали на дома и улицы мягкие, крупные снежинки. Резкий ветер закручивал и гонял их по улицам, между домами. Выделывая замысловатые виражи, снежинки облепляли людей, таяли на их лицах и одежде.

Вечер. За углом гостиницы стоят автобусы с военными номерами. Большинство пассажиров уже сидят на своих местах, разговоры ведут вполголоса. Чувствуется, что настроение в салоне не веселое. Провожающих не много. Некоторых приехали провожать жены, родственники. Им не разрешено ехать в аэропорт.

Наступило назначенное время — все пришло в движение. Объятия, поцелуи… Вскоре захлопываются двери. Автобусы увозят людей в аэропорт, а там их ждут самолеты.

В полутьме салона не видно улыбающихся лиц. Я не исключение. Жена провожать не приехала, не смогла: на руках двое маленьких детей. В голове крутятся разные мысли, проносятся эпизоды из жизни, еще совсем недолгой: мне только тридцать один год. Школа, учеба в военном училище, служба на далекой границе, женитьба, еще учеба, рождение детей и многое другое вперемежку с мыслями о предстоящей командировке. Все в голове мелькает так быстро, как за окном автобуса огни встречных машин, свет и тьма попеременно.

Мы уже в самолете. Летим по маршруту Москва-Иркутск-Пекин-Ханой. Никто только не знает, где, сколько придется быть. Разговоры в Генеральном штабе в Москве в предыдущие дни ничего не прояснили. Возвратившиеся оттуда говорили по разному, в зависимости от обстановки: кто плыл морем из Владивостока в Хайфон, кто добирался через Китай поездом.

Вскоре стало чуть веселее, скованность рассеялась, как только самолет набрал высоту. Расстегнулись привязанные ремни, в проходе между креслами началось движение: стюардессы разносили напитки.

Усталость все же брала свое, последние дни в Москве были напряженными. Некоторые стали засыпать. Мне не спалось, я размышлял о прошедшем и будущем.

Я обратил внимание на одну особенность еще тогда, когда формировали нашу группу для работы в зенитно-ракетном полку Вьетнамской народной Армии. Наши ребята, все от мозга до костей военные люди, нисколько не изменились от того, что их

переоделись в гражданскую одежду. Происходило это на складе Округа. Примеривали костюмы, смотрели друг на друга и не признавали себя гражданскими людьми. Строгие лица, стройные фигуры. Походка выдавала военного человека, как ни старайся изобразить походку вразвалку. Я лично влюбился в военную форму еще в детские годы, когда впервые в жизни близко увидел людей в военной форме, вернувшихся живыми с войны.

В Пекин прилетели рано утром 16 марта. Это была первая посадка за пределами СССР. Пролетая над Монголией и северными провинциями Китая, мы ничего внизу не увидели, было темно. Увидеть хотелось земли древних народов, земли древних империй, история которых в той или иной степени коснулась и нас.

Когда самолет, снизившись, пробил облака, под нами вдруг возник совершенно незнакомый ландшафт: мрачные для начала весны темно-зеленые клочки полей вперемежку с серыми и черными участками земли. Виднелись небольшие селения, узкие ленты дорог и речек. Кое-где из труб тянулся синий дым. Не успели разобраться что к чему, все произошло настолько быстро, не успели даже всмотреться в раскинувшийся совсем рядом город Пекин, столицу КНР, как самолет с тупым глухим толчком резиновых лап коснулся земли и, гася скорость, покатился по бетонной полосе.

Моторы сбросили обороты, но винты еще продолжали вращаться. В это время мы рассматривали зеленое поле вдоль бетонки, находящиеся рядом станции посадки, небольшие технические сооружения и само здание аэропорта.

Столичный аэропорт Китая был совершенно пуст. Не было привычных очередей у касс, ожидающих своего рейса пассажиров, встречающих с букетами цветов.

Да, порой бывает так в жизни.

В стране идет революция. Культурная. А во время будущих событий и воюют, и митингуют. И аэропорты пустуют… Знаем, по книжкам, читали. У нас тоже были революции, в том числе и культурная, в тридцатые годы. Правда, теперь мы понимаем разницу между нашей и китайской революциями. У нас ее проводили власти, опираясь, в основном, на силовые структуры, работников Народного комиссариата внутренних дел, а здесь силами молодежи: хунвейбинов и дзаофаней. Цель ее: «создание новой по содержанию социалистической культуры для широких масс, приобщение к ней рабочих и крестьян». Однако любая революция не только создает, но и низвергает, отрицает, уничтожает. Вот эта сторона чаще играет главную роль при проведении таких грандиозных мероприятий. При этом не

обходится без репрессий против неугодных (по идеологическим причинам и соображениям) кадров. Вместо них выдвигаются другие, более подходящие…

Однако я отвлекся несколько в сторону. Но все это к тому, чтобы пояснить читателю мысли, родившиеся в моем мозгу в пустом аэропорту столицы Китая, окутанного в этот период волнами народного движения. Несколько позже мы поняли, что пустые залы объясняются не только занятостью людей культурной революцией. Дело еще в том, что в то время в Китае авиация была плохо развита. В гражданской авиации числилось буквально несколько десятков самолетов. Из-за дороговизны билетов полеты на самолетах были не доступны простым людям. Кроме того, передвижения людей по стране осуществлялись строго по разрешению властей.

Связи между отдаленными провинциями осуществлялись с трудом.

В пустом зале первого этажа нас встретили представители посольства СССР в Китае. Их было двое. Первый из них — мужчина лет сорока, в очках, серьезный, интеллигентный. Второй, помоложе, разговорчивый и общительный, оказался переводчиком. Первый был чем-то озабочен, казалось, он был явно недоволен нашему присутствию здесь, будто его оторвали от каких-то важных и неотложных дел. Может быть так оно и было…

Время шло, но обстановка оставалась неясной. Одни говорили, что самолет на Шанхай полетит часа через два, а другие ожидали вылета к вечеру. Третьи поговаривали об экскурсии в столицу. Оказалось, что никаких поездок в Пекин не будет.

Ходить в одиночку, тем более отходить далеко от здания нам запретили.

Вскоре появился обслуживающий персонал, одетый в синюю униформу. Мы сидим в одном из залов на тумбах, креслах из коричневой кожи. К нам никто не заходит. Сидим и нехотя обсуждаем создавшуюся обстановку. Недалеко от нас открылся киоск. Подошли, поинтересовались: чем торгуют? Зажигалки, авторучки, женские кофточки. Даже коньяк. Купить что-либо мы не можем, у нас нет никаких юаней. Они есть, но в карманах наших руководителей, на всякий случай.

Тут же, недалеко от киоска, установили витрину. Две девушки, тоже в униформах, выставили книжечки, брошюрки. Ярко-красные цитатники Мао Цзе Дуна небольшого формата, специально для ношения в кармане. Они на английском, французском и русском языках. Некоторые книжечки раскрыты, отдельные абзацы и строчки даже подчеркнуты красным

карандашом.

По всему этажу установлено много бюстов и портретов Мао. Они обвешаны красными флагами и лентами. Позже появились и свежие цветы.

Наши руководители вместе с посольскими куда-то ушли, наверно выяснять обстановку. А в это время в зал, где мы сидели, вошли дети детсадовского возраста. Во главе их девушка, по-видимому, воспитательница. Все идут строем, по двое в ряд. В руках у них портреты Мао или плакаты. На них есть надписи и на русском языке. Они для маленьких детей довольно тяжелы.

Дети выстроились вдоль стены. Появился человек в очках. Он низкого роста, возраст его трудно определить, где-то от тридцати до пятидесяти. Он через силу старается делать на лице улыбку, но это у него получается плохо. На ломаном русском языке, заглядывая после каждого слова в бумагу, он о чем-то декламирует. Через несколько секунд по взмаху руки воспитательницы дети начинают петь. Поют старательно громко. Далее следует что-то вроде танцев, то есть хождение по кругу. Нам ничего не остается, кроме как слушать. Мы уже понимаем, что дети поют о неугасающем красном солнце, о необъятной и могучей стране Востока, а также о советском ревизионизме. Девушка-воспитательница очень старалась, вместе с ней и детишки. Лицо девушки стало пунцовым, волосы то и дело падали ей на глаза. Ей даже некогда было их откидывать. Она довольно строго подгоняла ребятишек, кое-когда подталкивала. Дети стали, кажется, уставать, они уронили несколько плакатов, спотыкались, наступали друг другу на ножки.

Некоторые из наших шепотом стали предлагать уйти из зала, но было бы это правильным решением или нет, мы сомневались. Как раз в это время подошел наш руководитель, и, как будто угадав наше намерение, сказал вполголоса:

— Ни в коем случае не уходить. Скоро концерт закончится. Пусть себе детишки поют…

До Шанхая летим китайским рейсовым самолетом. В салоне вместе с нами около десятка пассажиров-китайцев. И нас чуть более двух десятков. В самолете еще много свободных мест. На полках для вещей, в карманах чехлов сидений оказалось много всякой пропагандистской литературы: брошюры, книги, цитатники. Некоторые из наших ребят просматривают их, но кладут обратно.

Во время полета, уже когда самолет набрал высоту, нам опять показали концерт. На этот раз силами экипажа и пассажиров. На русский переводила стюардесса, молодая и красивая девушка. Стоя перед нами около пилотской кабины, «артисты» исполняли

песни под гитару. Танцев и плясок, правда, не было. Мы — «отступники от диктатуры пролетариата», «советские ревизионисты» — не думали уходить, куда уйдешь?

В Шанхае было намного теплее чем в Пекине, и мы вышли из самолета, сняв пальто, в одних пиджаках. Кругом зелень, тепло, даже душно.

Человек, оказавшись в непривычных условиях, в незнакомых краях, чувствует себя возбужденным, настроение бывает приподнятым, все ему ново, интересно. Мы тоже восхищались богатой природой, все было для нас интересно. Мы и раньше знали о трудолюбии китайцев, об их преданности своим обычаям, традициям, уважительном отношении к своей богатой истории. Но нынешний фанатизм… Порою жесткость. Мы этого не понимали и не принимали. Отсюда гнетущее чувство…

Мне припомнились первые годы нашей дружбы. Тогда, в начале пятидесятых годов, я учился в Казани, в военном училище. Как-то перед годовщиной Октябрьской революции мы пошли в увольнение. Мой товарищ предложил заглянуть к его родственникам. Нас пригласили за праздничный стол. Поужинав, мы, молодежь, вышли прогуляться по городу. С нами был двоюродный брат моего друга, студент геологического факультета Казанского Государственного университета. Был чудесный вечер. Снег выпал недавно. Он хрустел под ногами, весело сверкал от света уличных фонарей, еще не успевши смешаться со вчерашней грязью.

Пошли в сторону Кремля. Здесь, неподалеку, оказалось, живут сокурсники нашего студента. Решили зайти к ним и поздравить с Новым Годом. Здесь я впервые встретил я студентов-китайцев.

Они носили форму: темно-синие костюмы и фуражки с кокардами, которые носят геологи. Живут по два человека в комнате на первом этаже. Светлые просторные комнаты. Познакомились. Оказалось, что они неплохо говорят по-русски. Все были рады встрече. Шутили, смеялись. Играли в шахматы. Распили даже бутылку вина, поочередно провозглашая тосты в честь праздника, вечной и нерушимой дружбы между нашими народами.

Как не вспомнить об этом сейчас, спустя четырнадцать лет, находясь на родине наших тогдашних друзей? Где вы теперь, друзья, геологи? Какой бы между нами вышел разговор?

При выходе из самолета нас встретили трое китайцев. Я выходил из самолета одним из последних. Они разговаривали с нашим руководителем на английском языке. Переводил знакомый по Генштабу подполковник. О чем шел разговор, я

тогда не понял, это выяснилось потом.

Обстановка в аэропорту Шанхая была более чем грустной. Это было видно по лицам встречавших самолет: как будто где-то здесь находился тяжелобольной человек, кончину которого ждали, но он все никак не умирал.

Время подходило к обеду, в желудках уже давно подсасывало. Мы ждали приглашения в ресторан: нас должны были кормить по пути следования (при достаточной длительности полета). Жаждали попробовать знаменитые блюда китайской кухни, о которой много слышали и читали. Еще в самолете пытались вспомнить их названия. Трепанги, бамбуковые ростки, жареные в масле рыбы… Но этому не было суждено сбыться в жизнь.

От наших руководителей потребовали расписаться в каких-то бумагах, заполненных иероглифами. Никто из наших по-китайски не понимал, тем более не знал китайской письменности. Китайцы уверяли наших, что это всего-навсего меню предстоящего обеда. Может быть так оно и было. Но с другой стороны стоимость обеда входит в стоимость билета, это принято на авиалиниях всех стран. Поэтому, к чему росписи?

Двери ресторана были раскрыты. Видим накрытые холодными закусками столы. Ясно, что столы накрыты для нас, но попробовать их не пришлось. Короче, пришлось нам в самолете покопаться в портфелях и чемоданах, чтобы найти какие-нибудь крохи хлеба или каких-то съедобных не испортившихся продуктов.

В аэропорту Чанша кроме привычного уже нам концерта пришлось увидеть нечто, что привело кое-кого из нас в настоящий ужас.

По громкоговорящей связи было объявлено, что концерт подготовлен работниками аэропорта и военнослужащими местного гарнизона. По ходу концерта стало ясно, что это — специально подготовленное выступление перед советскими специалистами, следующими во Вьетнам.

Организаторы концерта превзошли своих коллег из других городов. По враждебности, злобе. Многие выступления идут на русском языке. Перед участниками несколько микрофонов. Много девушек, одетых в полувоенную форму, а мужчины все военные. Здесь конкретно назывались фамилии руководителей Компартии Советского Союза и государства. Рекой лилась настоящая пропагандистская грязь. Слушать такой концерт в какой-то момент стало невозможным, и мы, посоветовавшись между собой, решили покинуть зал ожидания, где происходило это действо. Мы вышли из здания. Здесь было тихо.

Произошла небольшая заминка — нет зрителей! — но

ненадолго. Руководители быстро нашли выход — они подключили микрофон к служебной громкоговорящей сети! Над нами задрожали мощные колоколы-громкоговорители. Более того, к нам вышло руководство аэропорта, стало настойчиво требовать нашего возвращения в здание. Откуда-то появились солдаты, причем вооруженные карабинами. Всех нас прижали к входу. Тем временем из колоколов неслось: «Разгромим северного соседа!» Да, не особенно приятно чувствовать себя бессильным, беспомощным, оторванным от Родины. Что мы могли сделать — два десятка человек, находящихся в чужой стране?

Сердце клокотало от обиды, ответные чувства рвались наружу. Хотелось ворваться в здание, разломать аппаратуру, колокола. Поневоле пришлось вернуться в здание.

Душой и опорой был наш генерал. Внешне он всегда был спокоен, улыбался, показывая ровные белые зубы. Медленно прохаживаясь между нами, шутил, подбадривал, успокаивал. Никогда не думал, что этот, казалось, вечно замкнутый, задумчивый человек может так резко перемениться и стать, когда появлялась в этом необходимость, улыбчивым, общительным, совсем другим человеком.

— Что, нервишки сдают? — спрашивал он, обращаясь к одному из молодых ребят. — Крепись, сынок. Веди себя так, как положено вести себя советскому человеку за границей. Выдержка, выдержка и еще раз выдержка — вот единственное наше оружие в данный момент!

Несколько минут спустя он говорил другим:

— Мы находимся не у себя дома. Будут случаи еще хлеще, еще сложнее. И вы будьте к этому готовы. Не дать себя спровоцировать, сохранить спокойствие, трезвый рассудок, значит обезоружить пока наших недругов, победить их.

Такие слова помогли нам и потом.

Последний город, в котором мы приземлились на территории Китая, был Наннинь. Здесь мы заканчивали свой полет по внутренним авиалиниям Китая и должны были пересесть в другой самолет, следующий международным рейсом до столицы ДРВ.

Наннинь, небольшой город на юге Китая, расположен в объятьях зелени, рисовых полей и огородов. Здесь уже тепло, нам, северянам, жарко.

Солнце опустилось к горизонту, его палящие лучи приятно ласкают лицо, припекая одежду, вызывают непривычную теплоту.

Здесь нас тоже ожидали сюрпризы, хотя каждый из нас пребывал в более лучшем настроении, чем ранее. Оставалось всего несколько часов времени до прибытия на место назначения.

В ожидании посадки мы сидим в здании аэропорта, стараясь быть ближе к воздушному потоку фенов, бесшумно и лениво крутящихся под потолком. Торопиться некуда, и вообще, все зависело не от нас.

Ночь опустилась резко, незаметно: темень окутала видневшиеся вдали горы, ветви бамбуковых и банановых деревьев, принеся с собой какое-то чувство таинственности и неопределенности. Подполковник Старостенко Иван Антонович, выходивший «погулять на свежем воздухе», подошел ко мне возбужденный, даже, сказал бы, испуганный; глаза блестят необычно, руки трясутся. Кинув в сторону летного поля, еле выговорил:

— Войска подтягиваются…

— Какие еще войска? — спрашиваю. Смотрю в ту сторону через большие витринные стекла и ничего не вижу. А Иван даже руку боится протянуть в ту сторону.

— Не знаю точно какие войска, но четко видел солдат с автоматами и пулеметами. Не меньше полка.

— Ваня, это за тобой, определенно. Думают, батальон не справится. Это кто-то из ребят шутит.

Но солдат видели и другие. Заговорили, заспорили. Встали, подходим к окнам и внимательно вглядываемся. Пока ничего не видим, но возбуждение нарастает. И я решаюсь выйти и посмотреть.

Да, действительно, недалеко от нас движется строй военных. Вот остановились. Затем послышался разговор. Закурили, некоторые сели прямо на бетонку. Карабины составили в «козлы». А я все смотрю в ту сторону, прикидываю — человек двести.

— Убедился? — спрашивает Иван Антонович. — К чему бы это?

— Понятия не имею, — говорю я, а сам ведь тоже думаю: «К чему это?»

Иван Старостенко — невысокий коренастый мужчина из донских казаков. Он командир дивизиона из того же полка, что и я. По служебному положению он мне подчинен, заместителю командира полка. По возрасту он старше меня на восемь лет, но друг к другу обращаемся на «ты». Человек он сложный, переменчивый в настроении. Характер тяжелый. «Себе на уме», — говорят о нем сослуживцы. Нос крючком, взгляд из-под бровей, в целом красивое лицо. Несмотря на свои тридцать восемь лет, у него уже седые виски. Он тщеславен. Не имел ни высшего, ни специального образования, но повыситься по службе ему очень хотелось. Может быть и во Вьетнам напросился с этой целью — не знаю, не я отбирал людей.

Между тем за окнами вспыхнули костры. Взлетная полоса, силуэт стоявших там самолетов окрасились красно-багряным цветом. Казалось, самолетов стало больше, на них, как при пожаре, плясали тени. Прошло довольно много времени. И вдруг объявили: выходить на посадку. Тронулись одновременно. После выхода наружу получилась некоторая заминка — дальше не хотелось идти. Впереди пошли наши руководители, а за ними смелее тронулись и мы.

Костры продолжали гореть, в руках солдат сверкали факелы. Солдаты выстроились по обеим сторонам проходных дорожек. Как идти? Сквозь строй солдат?

Сразу на память пришло все, что знал о пропускании «сквозь строй», картина Тараса Шевченко, украинского поэта и художника. Но здесь проход сквозь строй представлялся страшнее чем на картине, ибо сегодняшние солдаты казались самыми страшными на свете. Идем все-таки сквозь строй. И чудо! — нас никто не трогает! Правда, каждый мускул, весь мозг оставались в наивысшем напряжении.

Наконец мы у самолета. Оглядываемся назад, чего не могли позволить минуту назад. Вздох облегчения — будто мы только что выбрались из горящего огня. И вправду: за нами горели многочисленные огни.

Но мы подозрительно долго стоим, не взлетаем. Ага, ожидали посадки другого самолета! Вот он садится, подруливает поближе.

Застывают пропеллеры. Из самолета выходят человек 10–15 военных, и они направляются сквозь тот самый строй в здание аэропорта (за всем этим наблюдаем в иллюминаторы).

Неясность с солдатами рассеивается после взлета самолета. По словам одного пилота, встречали какого-то важного албанского военачальника. Вот в чем было дело! А страху нагнали!

Летим уже над территорией Демократической Республики Вьетнам.

Всматриваемся в иллюминаторы, но земли не видно. Ни одного огонька, никакого признака жизни. Только на темном небе ярко светятся звезды. Такие яркие, как будто мы к ним приблизились. Таких ярких звезд я никогда не видел — так красиво!

Самолет пошел на снижение и сердце забилось сильнее — нам предстояло впервые в жизни ступить на землю Вьетнама.

Ханой раскинулся перед нами яркими огнями, так неожиданно, что стало немного не по себе: как же так, где светомаскировка? Город виден как на ладони и сбросить бомбу точно по цели ничто не мешает! Почему так ярко светилась

столица — мы узнали потом.

Первое, что чувствовалось при выходе из самолета — давящая на все клетки тела духота. Густой и влажный воздух.

Встречать нас прибыло довольно много людей. Здесь представители посольства, командования советских военных специалистов, Генерального штаба Вьетнамской Народной армии, командования ПВО ВВС. Были приветственные речи и букеты цветов. Много цветов. Но церемония встречи продолжалась не долго, даже, кажется, была несколько скомкана. Некоторые встречающие беспокойно посматривали на часы.

Нам предложили побыстрее сесть в автобусы. Тут же тронулись, как только мы заняли свои места. Было два маленьких автобуса — УАЗика. Отъехали от аэропорта, вдруг стало темно, хоть глаза выколи.

Водитель, невысокого роста военный, ни разу не повернул свою голову в нашу сторону, но весело разговаривал с человеком, разместившимся рядом с ним на полу. Тот был в шлеме. Вел машину водитель играючи, мастерски. Движения его были настолько рассчитаны, что я залюбовался и не заметил, как подъехали к реке Красной. В темно-бурой воде плясали отражения огней с противоположного берега. Едва заметным силуэтом на фоне темно-серого горизонта высился большой мост через реку. Нескольких пролетов моста не было.

Въехали на понтонный мост. Он еле заметно покачивается на волнах. Двигаемся медленно в колонне с другими машинами буквально в метре от воды. Такая же колонна машин движется по другому мосту в противоположном направлении в двух сотнях метров от нас. Все идут с потушенными фарами, едва заметно светятся только подфарники. Огни города дают возможность обозревать все вокруг: и берега, и понтонные мосты, и волнистую ширь реки Красной.

Темнота наступила внезапно, так внезапно, что в течение нескольких секунд никто из нас не мог проронить слова. Слишком мы были увлечены окружающим пейзажем, слишком была заторможена реакция от незнакомого, непривычного. Громко загудели сирены, и только тогда мы поняли, что в столице объявлена воздушная тревога.

Через пару десятков секунд выехали с моста на берег, и машина на бешеной скорости понеслась по темным улицам города. Кое-где мелькали одинокие люди, велосипедисты, спешащие укрыться в бомбоубежищах. Наш водитель теперь молчал, крепко вцепившись в колесо руля, и сосредоточив свой взгляд на маршруте движения. Даже на поворотах и перекрестках он не снижал скорости. Наша судьба теперь целиком и полностью

была во власти вьетнамского друга. Вдруг грохнули взрывы, и тут же на небольшой высоте с ревом пронеслись самолеты противника. Бомбили какой-то объект, так как грохоты взрывов доносились только с одного направления.

Машина резко затормозила за очередным поворотом. Вьетнамец, сидевший рядом с водителем, спокойно сказал по-русски:

— Бомбоубежище. Всем выходить! — Мы пошли за ним.

Это была гостиница «Занчу» («Демократия»), где, как потом выяснилось, в основном, жили наши специалисты. Свет нигде не горел, в том числе и в самом бомбоубежище. Но люди, находившиеся там, имели в руках электрические карманные фонари. Они вели между собой ничего не значащие, не относящиеся к бомбежке разговоры. Мы, вновь прибывшие, молчали.

Грохот наверху прекратился, и через некоторое время дали свет. Тут некоторые увидели своих сослуживцев. Начались объятия, похлопывания по плечам, расспросы. «Как в Союзе?», «А здесь?», «Я скоро домой!» Мало ли о чем могут говорить люди, не встречавшиеся возможно год, два или больше.

В основном говорили, конечно, о войне.

Мы здесь узнали о том, что из-за бомбежек основная жизнь: работа предприятий, некоторых учреждений, магазинов и других протекает в ночное время. Бомбят ночью реже. Городская электростанция работает исправно. Части ПВО своевременно предупреждают жителей города о начале налетов. (Вот почему мы увидели с самолета ярко освещенный город Ханой).

Вскоре мы опять — в автобусе. В нем теперь наших только 14 человек. Это полностью наша группа, направляющаяся в недавно сформированный 363 зенитно-ракетный полк. Пока направляемся к месту дислокации специалистов при Инженерно-ракетной службе Командования ПВО-ВВС. Это в 27 километрах от Ханоя.

Прибыли поздно, где-то около 12 часов ночи, усталые, изнуренные дорогой. С момента вылета из Москвы прошло около суток.

Первые дни

Наше жилище теперь называлось бунгало и представляло из себя укрытое сверху и по бокам циновками и пальмовыми листьями помещение. Крыша покрыта листьями в несколько слоев, так что даже при сильных дождях вода с крыши стекает как по шиферу. Все держится на бамбуковом каркасе, связанном с помощью веревок. Гвозди для крепления здесь не применяются. Спим на деревянных щитах, установленных на козлах. Если сверху положить тюфяк, набитый соломой, получается что-то вроде кровати. Сверху они накрываются марлевыми пологами-москитниками, которые спасают от нашествия комаров, мошкары и других, которых здесь тьма-тьмущая. Пол земляной.

В нашем стане таких домов-бунгалов несколько. В некоторых из них живет по пятнадцать-двадцать человек. А нас разместили в небольшом. Мы — это командир нашей группы Дмитриев Александр Васильевич, специалист при командире дивизиона Татаринов Георгий Александрович и я, специалист при главном инженере полка. Над нашим жилищем раскинули свои ветви могучие деревья. Они спасают нас от палящих солнечных лучей и от «глаз» самолетов-разведчиков тоже. Рядом протекает река, ширина которой в этом месте достигает тридцати метров. На противоположном берегу виднеется сплошной лес, а в нем небольшая деревушка. О существовании которой узнаешь по дыму, стелящемуся утром и вечером вдоль реки, и по голосам детей, играющих как и все дети, как и везде, в разные игры. Рядом с нашим бунгало разместилась столовая под крышей старой-престарой пагоды. Она, возможно, построена еще тысяча лет тому назад, но никто точно ничего не может сказать. Здесь же рядом помещения для обслуживающего персонала (переводчики, повара, водители и др.) штаба, бани и т. д.

В первую ночь после приезда нас накормили и уложили в заранее приготовленные постели. Сказывалась и физическая усталость, и нервная. Уснули мертвецким сном.

Я проснулся от голосов, раздававшихся за стенами бунгало: «Тревога! Воздушная тревога!» Спросонья ничего не пойму, в чем дело. Где я? Темно — хоть глаза выколи. Почему так темно? Почему меня укутали? Оказывается, полог, который я сорвал при резком движении, упал на меня и всего запутал.

— Черт возьми, где же мои спички (у нас еще не было карманных фонарей)? — ворчит командир. Теперь только я соображаю, что я не у себя дома. Кое-как выпутываюсь из марли, вытаскиваю из-под подушки одежду. В это время в бунгало

заходит переводчик. У него в руках электрический фонарь.

— Возьмите каски, они у каждого под кроватью. И прошу в убежище.

Нащупываю тяжелую стальную каску. Все вместе направляемся в убежище.

Бомбят где-то в стороне, уход в убежище обыкновенная предосторожность. Гул самолетов то приближается, то удаляется, и только потом доносятся звуки разрывов. При выходе из убежища уже рассвело.

Так начинался первый день.

В Ханое пришлось быть через пару дней.

Выехали рано утром, затемно. Узкая дорожка петляет по лесу, едем медленно. Но вот и асфальт — машина бежит побыстрее. В столицу въехали, когда взошло солнце.

Город красив, весь в зелени. Здания невысокие, стоят в окружении пышных деревьев. Улицы в это время шумные, люди спешат на работу. Ясный день. Небо над городом голубое-голубое. Все по южному ярко, красиво. Утренний воздух чист.

Люди деловито, не спеша движутся по тротуарам, мостовым. Велосипедисты легко крутят свои педали. Велосипед здесь не роскошь, а средство передвижения.

Ханой тех лет был городом двух-трехэтажных домов своеобразной архитектуры.

Я пишу обо всем кратко, только о том, что особенно запомнилось, особенно характерно для страны, находящейся в состоянии войны. Тем не менее не мог удержаться от соблазна кое-что донести до читателя об этом городе.

Ханой расположен на берегах реки Красной на равнинной местности. Центр города — старый вьетнамский город — и новые кварталы. Они называются также французскими. Новые улицы широкие, тенистые, хотя и не похожи на европейские, но и не имеют ярко выраженных национальных черт.

В городе имеется знаменитое озеро Возвращенного меча. Легенда гласит о том, что Ле Лою, размышлявшему об освобождении своей страны от иноземных захватчиков на берегу этого озера, черепахой был вручен меч. Победив в освободительной войне против китайских поработителей, Ле Лой вернулся к этому озеру и вернул меч победы. Это было в 15 веке. С тех пор озеро называется озером Возвращенного меча.

В Ханое много памятников культуры, старины.

Пагода Хай ба Чынг (Пагода двух сестер Чынг) на озере, воздвигнутая в честь сестер-героинь, возглавлявших освободительное движение в 1 веке.

Пагода Донгда, построенная, как говорится в легенде, на

костях убитых китайских завоевателей.

Великолепные здания Оперного театра (копия Парижской оперы), Государственного банка, Музея революции, католический собор Сент Жозер.

Трамвайных путей в городе мало. Движение однонаправленное. Долго приходится ждать вагон, ушедший в другом направлении.

Мост Лонгбьен через реку Красная соединяет правобережную часть столицы с районом Залям (на этой стороне находится аэропорт, где мы приземлились). Мост построен в 1902 году. Был разбит во время бомбардировок (поэтому нам с аэродрома пришлось перебираться по понтонному мосту), был временно восстановлен во время нашего пребывания.

Есть в городе так называемая Пагода на одной ноге. Это крохотная пагода, держащаяся действительно на деревянном одном колене.

В городе прекрасные парки.

Столица накануне войны насчитывала около миллиона жителей. Но надо думать, что в те дни их было значительно меньше, т. к. многие предприятия, организации и учреждения со своими сотрудниками были эвакуированы в сельские районы. Были эвакуированы так же школы и дошкольные учреждения.

Машины здесь преимущественно военные. Они покрыты камуфляжем, на крышах, капотах укреплены свежие зеленые ветви, листья, это для маскировки с воздуха. Стекла фар закрыты светомаскировкой.

Город оживляется в часы пик, но не шумный. Автомобили в окружении пешеходов и велосипедов движутся медленно, почти всегда с включенными звуковыми сигналами. Человеку, впервые попавшему в город, становится не по себе, будто где-то что-то случилось. Весь шум от автомашин. Иногда кажется, что разом все забыли правила дорожного движения. Да, тогда во Вьетнаме не было четких правил дорожного движения. Но за время пребывания во Вьетнаме редко встречал случаи аварий. Вьетнамские водители не темпераментны, спокойны и всегда уступят другим право первого проезда, хотя, перед тем, как разъехаться на перекрестке, могут долго стоять, размахивая руками друг перед другом.

Согласно Договору о взаимной помощи и сотрудничеству между СССР и ДРВ, выполняя свой долг перед народом, подвергшимся агрессии, правительство СССР направило сюда группу специалистов, в основном, военных. Для оказания помощи в обслуживании военной техники из Советского Союза техника поступала исключительно оборонительного характера: зенитно-

ракетные комплексы, радиолокационные станции. Мы часто встречали здесь и врачей, и геологов, и преподавателей и др.

Старшим группы военных специалистов в то время был генерал-лейтенант авиации Владимир Никитович Абрамов. Человек, имеющий большой опыт жизни, участник Великой Отечественной войны. Он умело руководил коллективом военных специалистов, активно помогал вьетнамскому Главному командованию в вопросах планирования и организации противовоздушной обороны, обучения кадров. Он единственный из военных, который жил здесь с супругой. Остальные жили в гостинице «Занчу», неподалеку от Национального театра. В этой же гостинице, кроме советских, проживали корейцы, французские журналисты. В гостинице жизнь не прекращалась ни на одну минуту, даже ночью. Приезжали ребята из разных уголков страны, решали вопросы в любое время. Двери в номера, где проживали штабисты, врачи и другие специалисты, не закрывались. После тяжелых переходов, дальней дороги всегда можно было найти что перекусить. Ресторан на первом этаже работал с 6 утра до 11 часов вечера. Даже после одиннадцати часов помогла военная выручка: в номерах у ребят можно было найти чего поесть, и даже выпить.

Наша первая поездка в столицу — на представление командованию. Генералы Абрамов и Кульбаков (старший по зенитно-ракетной части) поговорили с каждым из нас, поставили персональные задачи. Для нас организовывались краткосрочные курсы, на которых мы должны были ускоренно войти в курс происходящих событий, изучить состояние дел в тех частях и подразделениях, где нам придется работать, выполнять свои обязанности. Впрочем, некоторые из нас никаких курсов и не проходили, выехали в свои части немедленно. Первое настоящее боевое «крещение» мы получили, попав под бомбежку при возвращении из Ханоя. Частые бомбардировки производились, как правило, с рассвета до 10–11 часов. Затем наступал перерыв часов до 4–5 после полудня. К вечеру бомбардировки вновь возобновлялись и продолжались весь вечер. Это не значит, что противник в остальное время не летал и не бомбил. Летал, бомбил, но меньше.

В этот день мы возвращались из Ханоя под вечер. Наш автобус только что проехал мимо колонны ракет, притаившейся под сводами деревьев. Было пять или шесть машин, довольно большая колонна, обычно они делают дневные «привалы» по две-три машины. Колонны с ракетами двигаются на огневые позиции только в ночное время, а днем пережидают налеты, а в это время водители отдыхают прямо тут же, в кабинах тягачей. По-

видимому, в этот раз колонна была обнаружена разведывательными самолетами из-за своей громоздкости.

Налетело две пары истребителей-бомбардировщиков. Мы тотчас остановились и разбежались вдоль дороги. Я прыгнул в индивидуальный окоп (их вдоль дороги накопано предостаточно) и закрылся крышкой. Самолеты делают несколько заходов с пикирования. Бомбы падают впереди нас. Я не могу определить далеко ли, так как нет никакой практики, тем более сижу в окопе. Но я видел впереди деревню… Стоит страшный грохот, земля дрожит, она будто ежится.

Наконец самолеты улетели. Все стихло. Ребята, оглушенные от взрывов, вывалянные в грязи, медленно собираются у автобуса. Впечатлениями еще не делится никто, только слышны проклятия в адрес этих… К счастью, ни одна бомба не упала сзади нас, что могло привести к непредсказуемым последствиям. Сдетонируй одна ракета, лежавшая на полуприцепе… могло окончиться значительно хуже.

А в деревушке, метрах в трехстах по пути нашего движения, были жертвы. Когда мы подъехали, там выносили погибших и раненых. Некоторые плакали, но криков или других звуков не было слышно: они стонали беззвучно. То, что бомбардировщики были нацелены на колонну ракет, не было сомнения. Но почему удар пришелся на деревню? По-видимому, это была ошибка со стороны летчиков.

Окопы, бомбы, ракеты

Стоит сказать об окопах и убежищах. Бомбежка может застать человека где угодно и когда угодно: на работе, дома, в дороге, в поле. Так как война против ДВР велась, в основном, с помощью авиации, то защищаться нужно было от бомб и ракетных снарядов. Каких только калибров бомб не применял агрессор! Начиная с шариковых бомб.

Шариковые бомбы применялись двух типов: «ананасы» и «апельсины». Первые представляют бомбочку величиной со стакан, то есть цилиндрической формы. Они на самолете размещаются в контейнерах в двадцати трубках, в каждой трубке по 18–25 штук. При сбрасывании у них раскрывается хвостовое оперение, поэтому они становятся похожими на ананас. «Апельсины» круглой формы, величиной с куриное яйцо, поверхность ребристая, темно-серого цвета. Круглые стальные шарики у бомб впрессованы в корпус. Последние «апельсины» вмещаются в контейнер по 500 штук. Шариковые бомбы предназначены исключительно для поражения людей. Притом впрессованные в корпус шарики имеют центр тяжести, не совпадающий с геометрическим центром шарика. Поэтому при попадании в тело человека движутся не по прямой, а по искривленной траектории. В наше время применялись шариковые бомбы замедленного действия. То есть, их рассыпают на определенной площади, а взрываются они при наступлении на них человека.

Широко применялись управляемые ракеты «булпап», начиненные взрывчаткой (до 450 килограммов), различные фугасные бомбы (до трех тысяч фунтов).

В наше время (шел уже четвертый год войны) применялись ракеты «шрайк» против станций наведения ракет зенитно-ракетных комплексов, а так же против других радиолокационных станций. Они довольно точно попадали в них, если не заметить их пуска и во время не выключить передатчик, на сигнал которого они самонаводятся.

Не будет преувеличением, если скажу, что вся территория Вьетнама была покрыта воронками, бомбами, осколками, развалинами и окопами.

Земля во Вьетнаме влажная, окопы без укрепления быстро осыпаются. Поэтому для устройства индивидуальных окопов во многих местах было налажено производство бетонных колец диаметром около 70 сантиметров. Они вкапываются вертикально в землю. Такие окопы устраивали везде, где человек мог

оказаться при бомбежках: и в городах, и в селах, и вдоль дорог. Крышки самые разные; из разного материала. Хорошо укрывают от осколков. За состоянием окопов следят местные жители, так же как и состоянием большого количества ложных объектов и позиций зенитной артиллерии и ракетных подразделений.

Наши ребята не особенно любили пользоваться индивидуальными окопами, если можно употребить в данном случае понятие «любить прятаться в окопе от бомб». Во-первых, потому, что в них трудно поместиться крупному человеку и долго находиться. Во-вторых, частенько в них падают змеи. Были случаи укусов, поэтому этот психологический момент присутствовал. Тем более не всегда есть возможность проверять дно окопа: есть ли там змея? Однажды нам с ребятами пришлось пролежать во время бомбежки рядом с окопами и убежищем только потому, что, когда мы подбежали к убежищу, отсюда отползла довольно большого размера змея.

На стартовых позициях

Полк, в котором нам предстояло работать, ждал новый зенитно-ракетный комплекс. Комплекс — это вся техника и оборудование для обеспечения пуска ракет по цели: станция наведения, пусковые установки, электростанция и т. д. С командованием полка пока встречались редко, без техники особой необходимости не было. Проводили занятия с офицерами и солдатами, консультировали. Сами занимались упорно, не оставляя никакой свободной минуты. Хотелось быстрее втянуться в ритм здешней жизни. Внимательно выслушивали бывалых ребят, особенно о боях с воздушным противником. Стали с ними выезжать на боевые позиции. Эти выезды осуществлялись, в основном, с таким расчетом, чтобы к рассвету выполнить тот объем работ, который намечался. А на позицию прибывали к наступлению темноты, к концу основных налетов. Вся ночь в работе. Устранение неисправностей, настройки и регулировки требовали напряженной умственной работы. Для возмещения затрачиваемой энергии на позиции с собой возим продукты. Пищу нам готовят повара из группы обслуживания. Обычно это отварная курица, консервы, овощи, фрукты, пиво, лимонад. Приходится кушать на ходу, в аппаратных кабинах, в машине. Иногда пища возвращается нетронутой: нет времени, нет аппетита…

Оставаться на стартовой позиции не разрешается, хотя в дневное время можно было бы здесь отдохнуть, не трясясь в машине десятки, сотни километров, туда-сюда. Если мы пытались остаться (бывало просто нет сил к рассвету и ты на ходу засыпаешь), вьетнамские товарищи умоляли нас поскорее, до начала утренних налетов, уехать, покинуть позицию. Но я не помню случая, чтобы наши уезжали, не завершив работы. Но мы находили лазейки. Чтобы не уезжать далеко от незавершенной работы, ехали отдыхать на день к ребятам из ближайшего полка. Тогда нас всех (в том числе переводчика, водителя) кормили ребята за свой счет.

Такой режим работы очень утомлял, усталость накапливалась быстро, в основном, из-за недосыпания, ведь днем уснуть трудно — жарко. Стараемся уснуть до восхода солнца, пусть даже в машине, по дороге домой. Если с 6–7 часов утра до обеда не поспишь, считай, что следующая ночь будет очень трудной. А если подряд три, четыре ночи?

Нас выручали дни, когда наши подразделения меняют свои позиции. В эти дни мы свободны, вьетнамские ребята обходятся

без нас. Высыпаемся, как говорится, с запасом.

Бывают, конечно, и другие причины, когда не можешь уснуть.

Помню, стал засыпать, как только вошел в бунгало после работы, еле забрался под москитник. Уснул почти мгновенно. И вдруг шум, беготня какая-то. Пытался не обращать внимания, не получается. Злость, злость… Не звук сирены ведь. Тогда понятно — нужно следовать в убежище. Нет, оказывается, затеяли наши ребята из обслуги резать поросенка. Здесь у вьетнамцев, прежде чем зарезать животное, дают ему «разогреться». Загоняют в специальные траншеи и начинают с помощью длинных шестов, палок гонять туда-сюда. При этом стоит неимоверный визг, крик. Смех, шум гоняющих ребят само собой. Они объясняют нам, что после такой процедуры мясо получается очень вкусным. Мясо, которое подавали нам на стол, действительно было очень вкусным. Но пропащий сон вместе с собой погашал и аппетит…

Объяснения по многим вопросам чаще всего давал донгти Сы, которого все звали на русский лад Саня. Он всегда был рядом на нашей базе, т. к. в течение всего дня занимался уборкой помещений, приносил в термосах чай, помогал на кухне (при этом непременно что-либо напевал. Это если рядом с ним никого не было. А если рядом собеседник, то его голос и смех все равно бы разбудил кого угодно). Удивительный это был парень, очень компанейский.

Ему 21 год. Худощавый, но с очень спортивной фигурой. Плотно налитые бронзовые мускулы, красивое приветливое лицо. По-русски говорил довольно сносно, т. к. в бюро обслуживания работал уже третий год. Старался быть в обращении вежливым. Начиная разговор, всегда вначале спрашивал, найдется ли время для того-то, того-то, а получив удовлетворительный ответ, от души благодарил собеседника, применяя весь арсенал благодарственных слов.

— Скажите, донти Каим, почему наши воины ПВО не могут сами справиться с правильным наведением ракет, а вынуждены призывать вас в помощь?

— Дело в том, — отвечал я ему, — что для правильного наведения ракет необходимо провести очень много предварительных работ по обслуживанию, настройке, регулировке, чистке, смазке. А для этого нужно много знать и уметь. Вашим ребятам пока не удалось многому научиться в условиях войны. Настанет время и мы здесь не будем нужны. Боевой работе ведь они научились лучше нас. А в другом пока мы помогаем.

— Правильно, товарищ Каим, согласен с вами, — заключал Саня.

Вопросов у Сани было много. Некоторые из них касались политической ситуации в регионе, отношений между государствами, особенно между СССР и США. Много велось разговоров о наших странах, народах, об их истории, обычаях. Немало узнал я о Вьетнаме от Сани. Так как под рукой не было никакой литературы на русском языке о Вьетнаме, об этом удивительном героическом народе, эти беседы очень помогали нам быстрее его понять, плодотворнее работать.

— У Вас какое-то не похожее на русское имя. Произносится просто. А вот фамилия у Вас длинная.

— Сколько в вашей стране живет национальностей и народностей? — спрашивал я его в свою очередь, хотя прекрасно знал, что их более двадцати, а потом отвечал: — У нас в стране их более ста. Я один из представителей. Иван Старостенко — украинец, Виктор Вшивцев — мордвин, Алмаз Ибрагимов тоже татарин.

— Я думаю, что Саня об этом догадывался, может быть даже кое-что знал из школьных учебников, но показывал свое удивление.

— Да-а, а внешне не скажешь, что среди вас есть разные народы, вон как вы дружно живете. Вы все здоровые, сильные, высокие ростом. Нам еще нужно много расти, чтобы догнать вас, — чистосердечно говорил Саня.

— Вот война закончится, заживете мирной, хорошей жизнью — догоните, — утешал я его.

Осваиваемся. Новые знакомые

По разным делам нам часто приходилось бывать в Ханое. Это были всякого рода совещания, собрания, занятия. Позже, когда прекратились бомбардировки северных районов страны, мы выезжали в столицу с рассветом и успевали приехать к началу рабочего дня. А пока приходилось вставать часа в четыре ночи и добираться до Ханоя в темноте. Задерживались, в основном, на паромах-переправах. Простаиваешь, ожидая своей очереди, по несколько часов. Иногда пропускали, несколько нарушив очередность, вперед. Тогда прибываем рано, успеваем позавтракать горячим, остается время побродить по городу. Ходим пешком по тем местам, где раньше не приходилось бывать. На берег реки Красной почти всегда ходили. Любуешься и ходишь, ходишь молча по берегу, а вода в реке неспокойная, буйная…

В гостинице «Занчу», куда стекались все периферийные, были и некоторые развлечения. В вестибюле стоял теннисный стол, а во дворе китайский бильярд. Можно было сразиться в шахматы, было бы время. Во время этих поездок мы успевали познакомиться с обслуживающим персоналом гостиницы и ресторана. Это были, в основном, женщины. Особенно приветливо встречала нас официантка по имени Дьеп, переводится на русский — Красивая. Стройная тонкая фигура, длинная черная коса, улыбающееся милое лицо не могли оставить без трепетного внимания никого, кто входил в зал ресторана. Она говорила по-русски не очень хорошо, но объясняться с ней было приятно. Говорила она тихо, медленно подыскивая нужные слова. Она была женой офицера, но несколько лет не имела вестей от него. Был ли он жив, она не знала.

У меня с Дьеп дружеские отношения установились с самого начала. При встрече мы приветствовали друг друга как старые знакомые. Интересовались здоровьем, делами. Она непременно приглашала садиться за ее столы, без суеты, но быстро обслуживала.

В тот приезд, в конце мая, моя голова была побрита наголо, поэтому в ресторане появился в светлой капроновой шляпе. После коротких приветствий на расстоянии, я выбил в буфете талоны, и, сев как обычно, за ее столик, снял свою шляпу. Народу было мало, поэтому я ожидал, что Дьеп меня быстро обслужит, куда-то торопился. Но Дьеп, у которой необслуженных клиентов вовсе не оставалось, почему-то ко мне не подходила, более того, ушла в дальний угол зала. Там для официанток было оборудовано за

ширмой место отдыха и переодевания. Я следил за ней и видел, как она несколько раз выглядывала из-за ширмы, но… не подходила. Я чувствовал, что там идет какой-то разговор обо мне, так как выходящие оттуда другие официантки, непременно проходили мимо меня и отворачиваясь. И, не желая вступать со мной в разговоры, как-то странно улыбались. Такого отношения к себе долго терпеть не мог. Что это — заговор против меня (шучу, конечно)? Почему меня не обслуживают, хотя вошедшие после меня уже позавтракали? Какая-то обида родилась во мне к Дьеп. Почему, почему? Я уже готов был от этой обиды встать и уйти, не покушав, но в это время ко мне подошла старшая официантка. Это была довольно симпатичная женщина лет пятидесяти. Улыбаясь, она поздоровалась со мной и начала очень длинный разговор о моих делах, здоровье, семье. Мне это, откровенно говоря, не нравилось, я односложно отвечал на ее вопросы.

— А письма из дома, донгти Каим, давно получали?

Я отвечал, что уже давно нет вестей из дома, хотя, мол, в последних письмах писали, что все нормально.

— Донгти Каим, скажите, пожалуйста, почему Вы сбрили волосы? У Вас какая-нибудь неприятность в жизни? Не ушла ли от Вас супруга? Извините меня за такой прямой вопрос.

Я рассмеялся.

— Все у меня в порядке, ань. Волосы постриг наголо потому, что жарко мне стало в вашем климате.

— Тогда все хорошо, донгти Каим, я скажу об этом Дьеп. Дайте Ваши талоны, я Вас быстро обслужу.

— Ань, минуточку. Почему Вы об этом должны говорить Дьеп? Разве ей не безразлично, при длинных волосах я или без них?

— Ей нужно сказать об этом. Дьеп без этого объяснения к Вам не подойдет. Дело в том, — продолжала она почти шепотом, — у нас мужчина без волос — это опозоренный человек. Ну, например, его жена бросила, или мужа осудили за воровство. Или муж отвергнут коллективом… Или…

Я уже смеялся во весь голос, не сдерживаясь от неожиданных слов. Вот, оказывается, в чем дело! Конечно, Дьеп должна была поступить именно так по отношению к «такому» мужчине! Только так и не иначе!

Я даже теперь был рад, что я без волос. Теперь я буду объяснять Дьеп о том, что у нас таких обычаев нет, и то, что я сделал — это чисто гигиеническая мера — ходить с чистыми, не потными волосами.

В два глотка проглотив поданный завтрак, я выскочил из ресторана, не забыв напялить при этом на голову свою

капроновую шляпу. В этот день в ресторан больше не заходил, поужинал в номере гостиницы всухомятку.

Прошло около двух недель. Я опять по делам должен ехать в столицу. Я взглянул на себя в зеркало, медленно, черт побери, растут волосы! Хотя, как известно, в условиях вьетнамского влажного климата волосы и ногти растут в три раза быстрее чем у нас. Немедленно отправился к нашему нештатному парикмахеру Володе Ларкину.

— Володя, постриги, еду в Ханой.

— Да у Вас нечего стричь! — возражает он, но я настойчив, я требую.

Прическа обозначилась довольно хорошо. Теперь я пострижен под бокс, притом я просил Володю еще и еще пройтись нулевой машинкой по нижней части головы, чтобы контраст был сильнее.

… Дьеп была со мной очень любезна. Долго разговаривали, смеялись, но ни разу не вспомнили о том недоразумении при прошлой встрече.

Переводчики Нам и Ням

Первые месяцы работы во Вьетнаме были тяжелыми для нас. Мы, если сказать проще, притирались. Привыкали к новому порядку работы. Никто из нас до этого не работал через переводчиков. Мы вьетнамского языка совершенно не понимали. В дивизионах, правда, были люди, в той или иной мере знающие русский. Кто-то у нас учился в учебных заведениях, кто-то на курсах. Кто был отозван из Союза в связи с началом войны, в стране еще русский не успели освоить. Не возникало проблем с теми, кто учился 4, 5, 6 лет. Надо иметь ввиду и то, что переводчики с вьетнамской стороны также не в полной мере были готовы к полноценной работе. Количество специалистов росло, а переводчиков за один-два месяца не подготовишь. К каждому переводчика не приставишь, а работать надо.

Многие переводчики, проработавшие ранее с советскими специалистами, на высоте, с ними прекрасно работается. Те, кто только пришел с курсов, были совершенно не готовы. А таких в нашей группе было большинство.

Вместе с нами на базе жили несколько переводчиков. Они, по сути, были практикантами. Ехать с нами работать в дивизион было сущим мучением. Но ездить надо было, мы же понимали, что им тоже нужно учиться. Учиться можно, только постоянно находясь вместе с русскими. Хорошо, если приехав в дивизион, застанешь подготовленного товарища, а если нет? Подготовленные переводчики находились непосредственно в дивизионах и командном пункте полка. Почему? Да потому, что они занимались с личным составом. Вся техническая литература на русском языке. Чтобы работать с техникой, нужно читать инструкции, наставления. Без подготовленного переводчика здесь не обойтись. Многие переводчики, не имея технического образования, но постоянно работая с литературой рядом с техникой, становились неплохими специалистами. Мне часто приходилось видеть, как переводчики устраняли неисправности, проводили настройки, регулировки.

Порой дело доходило до курьезов.

Помню случай на одной из боевых позиций, где мне предстояло встретиться с вновь назначенным командиром полка. Нам было уже известно о назначении нового командира вместо ушедшего с повышением. Но встречи с ним еще не было. И вот мне предстоит встретиться с ним. Это было его желание, поэтому я не стал возражать, хотя эта встреча должна была состояться на равных уровнях: командир полка со специалистом при командире

полка.

Несколько дней лил дождь. Погода была, что называется, донельзя паршивая: влажность сто процентов, вся одежда на теле постоянно сырая, нет спасу — холодно, между дождями дует ветер.

Мы с переводчиком, который сопровождал меня по дивизиону, пришли в палатку командира дивизиона. Там сидел незнакомый мне человек. Я представился, незнакомец так же. Его звали Тун. В палатке было тепло. На уровне головы горела большая электрическая лампочка.

Товарищ Тун пригласил нас за стол. Командир дивизиона начал хлопотать об угощении, стал расставлять на столе чашки, заварил чай, положил сигареты. Этого достаточно для начала разговора. Но, как принято здесь, сначала разговор не о главном: расспросы о здоровье, настроении, успехах, погоде. Штатные вопросы, такие же ответы. Вежливые слова, улыбки, кивки голов.

Переводчика, через которого шел наш разговор, я откровенно недолюбливал. Хотя об этом никогда вслух не высказывался. Он очень плохо переводил на русский, но и на вьетнамский. Я кое о чем уже мог судить, так как полгода изучал вьетнамский и мог, хоть и не слишком хорошо, говорить на вьетнамском. Собеседника я понимал, но вынужденный слушать и перевод, я сомневался: может переводчик прав, а командира понимаю не верно. Я старался быть спокойным, но на самом деле нервничал. Донгти Тун, к моему удовольствию, заметил это и, выдержав, пожалуй не более пяти минут, что-то сказал переводчику очень строго, даже, кажется, грубовато. Смысл его слов был таков: идите, погуляйте, теперь мы обойдемся без вас. Когда переводчик, смутившись, вышел из палатки, он повернулся в мою сторону и, улыбнувшись своим широким лицом, заговорил… на чистейшем русском языке.

— Я прошу извинить меня, товарищ Каим, но я обязан пользоваться услугами переводчиков при официальных встречах. Но официальная часть уже позади и, кроме того, товарищ Хуан, — он повернул голову в сторону командира дивизиона, — тот улыбнулся, — тоже понимает по-русски, мы обойдемся без него. Он кивнул головой в сторону выхода.

Я удивленно слушал и кивал головой. Удивленно потому, что до сих пор капитан Хуан считался среди нас незнающим по-русски. «К сожалению, по-русски не понимаю», — говорил он. «Ну, да бог с ним», — сказал я про себя и перестал на него смотреть.

Тун пожаловался на то, как воинам ПВО трудно поддерживать боеготовность в условиях частых дождей. Особенно

в период смены позиций. Не все поддерживаются в пригодном для немедленного применения состоянии, дороги подъездные размыты. Машины застревают в грязи, затягиваются сроки приведения дивизионов в боеготовность. Опасность подвернуться бомбардировкам нарастает. Артиллерийские батареи и взводы не в состоянии прикрыть их из-за низкой плотности огня.

— Что говорить, даже стоящим на боевом дежурстве дивизионам эти дожди сильно мешают, — продолжал он. — В антенную систему попадает вода, из-за этого выходят из строя дорогостоящие генераторные лампы.

— А почему в антенны попадает вода? — спрашиваю. — Она непосредственно попасть не может. Если нет пробоин или других отверстий от случайных повреждений. Другое дело, если это в результате конденсирования воды.

— Но мы с главным инженером полка товарищем Анем обговорили мероприятия по борьбе с этим явлением.

— Я этого не знал. Если так, то это очень хорошо. Мы надеемся на помощь советских специалистов.

Я со своей стороны заверил, что наши специалисты оправдают доверие командования, не пожалеют своих сил для повышения боевой готовности полка.

Далее разговор перешел на другие темы. Оказалось, он учился в нашей стране, окончил военную академию. Вернулся во Вьетнам в период начала интенсивных бомбардировок. Занимал различные командные посты (должности) в войсках ПВО страны.

Нам понравился этот командир — деловитый, целенаправленный в своих мыслях и действиях.

Оказалось, у нас есть и общие знакомые. Мы подружились и до его ухода из полка на другую должность, поддерживали близкие отношения.

По дороге на базу я размышлял о причинах возникновения кровопролитного конфликта, приведшего к вовлечению в эту бессмысленную бойню двух великих держав и десятков других стран. Что лежит в основе этого? Кто виноват? Ведь убивают друг друга вьетнамцы. Страдают больше всего вьетнамцы. Потери несут будущие поколения вьетнамской нации…

Участок фронта, проходящий в районе 17 параллели не растянут на тысячи километров. Но это фронт огромного масштаба по значимости. Здесь проходит линия раздела между двумя враждебными системами: империализмом и социализмом. Это война хоть и не называется мировой, но она по всем параметрам — война мирового масштаба. И основные потери несет вьетнамский народ, многострадальный народ…

Дальше — больше: с 1965 года граница раздела между

противниками расширилась многократно. Американцы начали широкомасштабную воздушную войну против Северного Вьетнама. Где граница между воздушным противником и обороняющимися? Это каждый квадратный километр земли, это каждый кубический километр атмосферы.

… 1965 год. Первые годы правления Л.И.Брежнева, ставшего Генеральным секретарем ЦК КПСС после смерти Н.С.Хрущева. Еще продолжается «оттепель», начавшаяся при Хрущеве. В печать проникают материалы из-за приоткрывающегося «железного занавеса». Помимо сведений о событиях в мире, печатающихся в советской прессе, можно увидеть перепечатку информации из зарубежных газет и журналов. В одном из московских журналов (еженедельник «За рубежом») появилась статья, посвященная Вьетнаму. Речь шла о событии американского самолета, вторгшегося в воздушное пространство ДРВ. Впервые сообщалось о применении управляемой зенитной ракеты. Самолет был сбит первой ракетой. Приводилась даже схема наведения ракеты. Это была сенсация для читателей журнала, так как до этого гражданское население не знало о поставке зенитно-управляемых ракет Вьетнаму. Ясно из статьи и схемы — это ракеты того же типа, какие стояли на вооружении в нашем подразделении!

Офицеры еще и еще перечитывают статью. Никаких сомнений нет — наши. До сих пор только на полигонах можно было увидеть пуски ракет и сбитие мишеней, а теперь, пожалуйста — они сбивают вражеские самолеты! Для того они сделаны, чтобы сбивать самолеты противника.

После этого у меня появилась большая уверенность в мощи и надежности оружия, имеющегося у меня в руках.

Но кто запускает их? Обнаруживает цель, осуществляет захват, производит пуск ракет — кто?

И я, долго не задумываясь, пишу рапорт по команде об отправке меня во Вьетнам. Пишу о том, что хорошо знаю материальную часть не только зенитно-ракетных комплексов, но и многих типов радиолокационных станций. Но мой рапорт где-то застрял. Не мог я узнать его судьбу, хотя не раз и пытался это сделать. «Служи там, где служишь, понадобишься — вызовут», — был ответ.

Мы тогда еще не знали, что регулярные воздушные налеты авиации США начались в начале 1965 года, что постепенно они перемещались на север, достигнув и провинцию Тханьхоа. Бомбардировкам подвергались переправы, шоссейные и железные дороги. Количество налетов с каждым годом увеличивалось.

На что рассчитывал противник, начиная воздушную войну против ДРВ? На свою военно-воздушную мощь. На новейшую

технику, на ее высокие возможности. Хотели подавить этой силой Северный Вьетнам экономически, вывести из строя все коммуникации, развалить всю транспортную сеть. Но не получилось, не мог агрессор подорвать сопротивление небольшой страны. Высокий патриотизм вьетнамского народа, его единство, железная дисциплина, твердое руководство Партии трудящихся Вьетнама сыграли решающую роль в обеспечении победы. Одним из важных факторов успеха в сопротивлении варварской агрессии была мощь Советского Союза. С его помощью Вьетнам создал такую противовоздушную оборону страны, которой в то время не было в мире. По своей мощности она уступала лишь, по признанию самих американцев, только ПВО Москвы.

Да, ПВО мощная, а вот дорога, по которой мы возвращаемся домой после встречи с донгти Туном, вся исковеркана воронками. Это видно по «заплаткам» на полотне. Воронки заделаны асфальтом. Их так много! Приходит в голову мысль: при сильной ПВО этого не должно было быть. Но… Впереди мост. Он тоже был разрушен когда-то, потом восстановлен. Может это случилось несколько раз.

Вон мост Хамжонг близ города Тханьхоа. Чтобы перерезать дорогу N 1, американцы делали все: и бомбили, и пускали ракеты, пытались взорвать с воды, бросая торпеды-мины. Тысячи «ранений» у этого моста, его постоянно «лечат», и он действует. «Пасть дракона» называют вьетнамцы это место, это Хамжонг. Я проезжал по нему ночью, в полной темноте. Не видел глазами, но чувствовал внутренне, что вокруг нас лежат «трупы» сотен американских самолетов. Мост герой. Уж тем я счастлив, что по нему проехал.

Подъезжаем к следующему мосту. Проезд закрыт на несколько часов — плановый ремонт. Объезд около 20 километров.

— Что будем делать? — спрашиваю переводчика.

— Поедем объездом. — Такое решение он принимает. Он все еще дуется на меня. Как будто по моей вине был отстранен от работы в палатке донгти Хуана… Я соглашаюсь.

Раз вернулся к начатому о взаимоотношениях с переводчиками, то нужно сказать несколько слов о других ребятах.

Среди переводчиков, наиболее тесно и плодотворно сотрудничавших с нами, особенно запомнился товарищ Ням. (Во Вьетнаме, как вы уже заметили, в общении между собой пользуются, в основном, именами, а не именами и отчествами, как у нас). Сын известного архитектора, окончившегося в свое время университет в Париже. Он образован, культурен, честен.

Стал военным переводчиком без раздумий, так как считал, что студенту факультета иностранных языков педагогического института быстрее можно стать полезным своей родине будучи именно переводчиком, чем занимаясь какими-то другими делами. Позже он познакомил нас со своей младшей сестрой, ушедшей добровольно в армию со второго курса медицинского института. Она так же показывала пример интеллигентности, вежливости и… была очень красивой, в то же время очень скромной девушкой. У Няма в сумочке всегда можно найти книжечку на русском языке. Это были обычно стихи. Томик Пушкина или Лермонтова. С удовольствием читал наизусть многие их стихи. Он говорил по-русски чисто, почти без акцента, применяя к месту эпитеты, обороты речи, сравнения. Постоянно работал над совершенствованием своих знаний. Любил беседы о русской литературе, истории. Мне и другим нашим ребятам он сильно импонировал, и не только. Его любили.

Донгти Нам так же почти год работал с нами. Он из крестьянской семьи, образование получил в городе. Был грамотен и в технике, много трудился вместе с инженерами и техниками в дивизионах. Любил русский язык за то, «что им разговаривал Ленин». Так он любил цитировать поэта Владимира Маяковского. Много поездили мы с ним по стране!

Оба, товарищи Ням и Нам, были основными источниками информации о стране, народе, природе Вьетнама. У кого еще спросишь, если что тебе не ясно? Они нас учили, просвещали. В то же время сами учились у нас. И не только языку.

Китайцы во Вьетнаме

О наших первых встречах с китайцами уже рассказывалось в начале этих записок. Это происходило в Китае, в их стране, но на этом они не закончились. Наоборот, продолжились, и не в радость нам.

Граждан ДВР китайского происхождения в стране много, так же как во многих других странах. Их называют хуацяо (хотя такого слова там я не слышал). Предки многих из них пришли во Вьетнам очень давно и, можно сказать, овьетнамились. Если прибавить к их числу китайцев-военнослужащих, введенных по обоюдному соглашению в составе частей и соединений, то их набирается приличное количество. Так что лиц китайской национальности встретишь на каждом шагу: в городе и деревне, на переправе и в ресторане. Китайца от вьетнамца или корейца отличишь всегда. Хотя наши ребята часто путали их.

Китайцы были и в подразделениях нашего полка. Особенно запомнились мне двое. Один из них — оператор передающего устройства станции наведения ракет по имени Сун. В расчете он занимал лидирующее место, хотя по должности был рядовым солдатом. Это произошло по-видимому потому, что донгти Сун имел, во-первых, какое-то техническое образование, а во-вторых, по своей натуре был активным, энергичным человеком, то есть, родившимся под знаком Льва. Высокого роста, с хорошими физическими данными. Часто подходил к нашим ребятам, задавал множество различных вопросов. Вопросы, как обычно, были с каким-нибудь подвохом. Будто он проверял: достойны ли они своих должностей, способны ли выполнять то, что на них возложено. Нужно было держать себя очень осторожно, чтобы не попасть в неловкое положение. Не могу точно утверждать, что его поведение в отношении нас направлялось кем-либо со стороны, но одно скажу уверенно: к нам относился неприязненно. Для тех времен, когда отношения между нашими государствами и партиями были довольно натянутыми, эти подозрения с моей стороны имели право быть. Кстати замечу, фактов, подтверждающих, что китайцы ставят в наши колеса палки, было предостаточно. Утеря или задержка следующих по железной дороге через Китай так необходимых в войне против агрессора грузов, затяжное по ним разбирательство, провокации против советских специалистов, направляющихся во Вьетнам, и многое-многое другое. Недаром наши люди предпочитали обходные пути следования туда и сюда, например, через Владивосток-Хайфон или обратно. Еще лучше спецсамолетами прямо до Ханоя, минуя

Китай.

Но вернемся в русло рассказа.

В одно из посещений дивизиона Сун обратился ко мне с таким вопросом.

— Почему Советский Союз поставляет во Вьетнам неисправную измерительную аппаратуру?

— Что вы имеете в виду? — ответил я вопросом на вопрос.

— Вот прибор, стрелка которого при измерении не отклоняется. — Остальные ребята из расчета внимательно слушают наш диалог. Я осмотрел прибор авометр (прибор предназначен для измерения величин напряжений, токов, сопротивлений, универсальный прибор). Стекло индикатора было разбито, пломбы на винтах крепления крышки сорваны.

— Кто вскрыл прибор?

— Я, — ответил Сун. — Но я его вскрыл после того, как он не стал показывать.

— Значит, он все-таки сначала работал? — Сун замялся.

— Да, но потом отказал.

— Отказал он потому, что им неправильно пользовались. Здесь выведена из строя механическая часть. Вы, может быть, его уронили? — Не дожидаясь его ответа, я повернулся в сторону сопровождавшего меня главного инженера полка товарища Аня. — Прошу назначить служебное расследование по этому поводу, необходимо выявить виновного и Вашим решением наказать.

После моего ухода происходил довольно резкий разговор между главным инженером и командиром расчета.

Оказалось, это Сун и вывел прибор из строя.

В следующий приезд мне пояснили, что оператор Сун подвергся «заслуженной критике» — фибинь — на собрании личного состава батареи «за нерадивое отношение к сбережению техники».

Наказания и поощрения здесь несколько отличаются от наших, хотя цель одна и та же. Пожалуй, самое суровое наказание — это критика на собрании. Чем больше коллектив, где обсуждается вопрос, тем суровее наказание. Критике могут подвергаться все, в том числе командиры и даже вышестоящие начальники. Порой собрания проходят очень долго, по несколько дней подряд с утра до вечера.

Грубых нарушений среди личного состава почти не бывает. Нет случаев самовольных уходов, употребления спиртных напитков в чрезмерных количествах.

Поощрения самые разнообразные, но преобладают коллективные. Например, за сбитый американский самолет весь

дивизион премируется буйволом (его могут зарезать на дополнительное питание). Коллективы награждаются орденами и медалями. Даже присваивается коллективное звание «Герой». Конечно, орденами и медалями награждаются и отдельные лица.

Еще один воин китайского происхождения служил в другом подразделении. Вчера только принимал доклад у Виктора Смирнова, специалиста по радиопередатчику команд на ракету, о неисправности в этом дивизионе. Он быстро устранил неисправность, но был очень огорчен тем, что с этим не справились сами техники. Она считается простейшей. И вот опять вызов в тот же дивизион, на ту же систему.

Пришлось выехать самому, Виктор был занят в другом подразделении.

Поверхностный осмотр показал мне, что неисправность та же, что и вчера, неисправна генераторная лампа. Как могло так случиться — новая лампа проработала менее двух суток? Ведь Смирнов говорил о замене на новую лампу. Я не сразу стал смотреть записи в журнале о предыдущих заменах генераторных ламп, а поставил в аппаратуру другую из ящика для запасных частей и включил передатчик. Он работал нормально. Если так, то нужно проверить все лампы, находящиеся в запасе. Вдруг есть некая другая неисправность, которая приводит к выходу из строя любую из поставленных ламп. Ламп не напасешься! Да и Виктору Смирному не поздоровится, если он не сумел эту неисправность обнаружить. До сих пор наша группа работала четко, не было никаких нареканий, никаких промахов. Не дай бог, как говорится, потерять доверие вьетнамских друзей.

Нет, все остальные схемы передатчика работали устойчиво. В чем же дело?

Через некоторое время, не найдя никаких других причин, я стал расспрашивать техника, начальника группы: не производились ли какие-либо работы после отъезда Смирнова. Начальник отдела пожимал плечами, а техник, этот самый китаец, нехотя пробормотал, что после него он опробовал все запасные лампы. И тут меня осенило.

— Где прежняя неисправная лампа?

— Вот она, — отвечал он, вертя ее в руках. Но это же та самая, которую я только что вынул из передатчика! Значит, он явно неисправную лампу вновь поставил в передатчик. И все это время дивизион простоял не боеготовым!

— Почему же Вы неисправную лампу вновь поставили в передатчик? — спросил я, еле сдерживая себя. — Ведь вас могли в два счета разбомбить! И по вине этого безответственного техника. — Я обращался с этими словами к начальнику группы и

командиру дивизиона, только что подошедшему.

— Мы об этом не знали…

— Надо строже контролировать работу своих подчиненных, — поучал я их.

Здесь вмешался наш переводчик, донгти Нам:

— Товарищ Каим, неисправность Вами устранена. Дивизион боеготов. Большое Вам спасибо. Успокойтесь. И пойдемте в штаб дивизиона, думаю, командир нас угостит чаем, — он повернул голову в сторону капитана.

Мы вышли из аппаратной кабины и направились в сторону штаба. Кажется, я немного переборщил. Не имел права так громко возмущаться. Не у себя в полку, в дивизионе Ивана Антоновича Старостенко, где можно позволить что-то подобное. А здесь… Спасибо товарищу Наму, он во время вмешался в разговор.

Мы, попивая горячий терпкий чай, выкуривая по второй сигарете, и собирались скоро выехать домой, к землянке подошли несколько офицеров. Они прояснили случившееся. Оказалось, техник все-таки сознательно поставил неисправную лампу. Тогда командир дивизиона позвал самого техника. Тот пояснил следующее.

Лампа, вышедшая из строя, проработала меньше часов, чем в среднем все остальные, вышедшие из строя до этого по всем зенитно-ракетным войскам (такая статистика велась и результаты непременно доводились до личного состава). Он почему-то считал, что лампа как угодно должна доработать срок не меньший чем среднестатистический. Свои рассуждения он подкреплял такими словами, как «наша страна еще бедная, бережливость и экономия должны позволить сохранить средства для разгрома ненавистного врага» и т. д., и т. д. Да-а, а вот тебе и путь к победе! Предательский поступок вот что это! Про себя так расценивал этот поступок. Можно такие «дела» наделать…

При отъезде я сказал командиру и его заместителям о том, что этого техника нужно отстранить от должности, что об этом будет мое ходатайство перед командованием полка. Они было пустились в рассуждения, стали просить не поднимать этот вопрос в полку, но я был непреклонен. Я по другому не мог.

Через два дня ко мне подошел Нам и сказал, что тот техник в нашем полку больше не служит.

Я привел только два примера. А вообще встречи с китайцами и различного рода инциденты происходили довольно часто.

Китайские войска были введены, насколько мне известно, после того, как стали суммироваться слухи о высадке десантов в Северном Вьетнаме. Занимались, в основном, по своей массе восстановительными работами. На дорогах, разрушенных местах

работало большое количество китайцев. Жили в отведенных для них населенных пунктах, военных городках, сохранившихся еще со времен французской колонизации. Каждое подразделение имело прикухонное хозяйство. Содержали скот, выращивали овощи. На место работ ездили обычно на грузовых машинах. В кузовах машин солдаты стояли, набитые битком. Ехали с поднятыми верх транспарантами, портретами Мао Цзе Дуна. Оружие всегда при себе. На местах работ вывешены лозунги, флаги, большие и малые портреты Мао, выполненные на бумаге, картоне, фанере. Вьетнамские товарищи старались возить нас по дорогам, где китайцев не было. Но, если требовала обстановка, то приходилось ехать и мимо них. Сколько мы простаивали из-за них на дорогах, переправах! Остановив нашу машину и узнав, что едут «лиенсо», они окружали нас, начинали выкрикивать ругательства, бросали камни, сыпали на крышу землю, песок. Чтобы не могли двигаться, впереди машины ставили «козлы» из оружия, портреты Мао. Попробуй тронь! Приходилось задраивать окна, отворачиваться, ложиться на пол, но ни в коем случае не вступать в пререкания и разговоры. Переговоры вели сопровождающие лица. Их для этого уводили в сторону вагончиков, будок. Как потом рассказывали, начинали звонить по телефону своему командованию, выясняли кто, куда едет, можно ли пропускать. И, продержав несколько часов, пропускали дальше.

Широко известен во Вьетнаме случай с советским геологом Васильевым, который, проезжая мимо китайского подразделения, был подвергнут нечеловеческим унижениям. Его силой ставили на колени перед портретом Мао, заставляли целовать. В конце концов, не добившись желаемого, жестоко избили. Присутствовавшие при этом вьетнамцы ничего не могли сделать, были бессильны против разъяренных солдат. После долгого лечения в госпитале, нашего геолога отправили в Союз. Получил инвалидность.

Помню, однажды мы торопились на стартовую позицию и попытались обогнать медленно двигавшийся грузовик с китайскими солдатами. Мы думали, что они нас не узнают. Но боковой тент автомашины УАЗ был поднят, к сожалению. Увидев нас, грузовик стал преграждать нам путь. Мы — влево, он — вправо, мы — вправо, он — влево.

Двигавшиеся навстречу по узкой дороге автомобили, велосипедисты, пешеходы шарахались в разные стороны, чтобы не быть сшибленными грузовиком, делавшим опасные зигзаги. В надежде на то, что они уедут вперед, мы остановились. Не тут-то было! Они тоже остановились и даже стали слезать с машины с

криками, размахиванием оружием. Но дело до серьезного конфликта не дошло: стал собираться народ (как раз въехали в какую-то деревню). При многочисленных свидетелях китайцы не решились на продолжение своей затеи и вынуждены были уехать восвояси.

Таких случаев было немало. Обо всем не расскажешь, но умолчать о событиях, происшедших в Ханое, участником которых был сам лично, не могу. Но прежде о взаимоотношениях Вьетнама, воюющей страны, с СССР и Китаем, государствами, оказывающими всяческую помощь в этой войне. Об отношениях СССР и Китая в тот период мы знаем, что из-за идеологических и других разногласий эти отношения были не просто натянутыми, они были порой откровенно враждебными. Дело, как известно, дошло до вооруженного конфликта на острове Даманском в феврале-марте 1969 года. В этих условиях Президенту Хо Ши Мину приходилось вести очень гибкую политику в отношении СССР и Китая. Один неверный шаг мог привести к искривлению общей линии противостояния агрессору, к ослаблению позиций социализма. Исходя из своих экономических возможностей СССР и Китай оказывали Вьетнаму помощь по различным направлениям. В частности, из Советского Союза для нужд Вьетнама поставлялась зенитно-ракетная техника, самолеты, радиолокационные станции, энергооборудование, топливо и др., а из Китая — зенитно-артиллерийское вооружение, автомашины, стрелковое оружие, продукты питания. В денежном выражении с обеих сторон поступало примерно одинаково. Будь по другому — нарушится баланс, так необходимый в тех условиях для поддержания взаимовыгодных отношений между Вьетнамом и СССР, и Китаем. Военный атташе при посольстве СССР во Вьетнаме генерал Алексей Иванович Лебедев говаривал, что этот баланс временами держится на волоске и временами опасно шатается. Были какие-то невидимые силы, которые искусственно раскачивали этот волосок. Но руководство страны умело держало в руках узду, своевременно реагируя на изменения «путевых» условий и принимая меры для предотвращения раздоров.

Разговоры о размерах помощи со стороны этих двух государств возникли и среди нас, и в разговорах с вьетнамскими товарищами. Донгти Сы, например, до хрипоты спорил о том, чьи эти автоматы? Советские или китайские? На капотах некоторых автомобилей высечены иероглифы с названием завода-изготовителя, на автоматах тоже. Китайские же! Конечно, китайские. Тогда я брал из рук Сы его автомат (он в ночное время стоял на посту по охране нашего лагеря с оружием), быстро разбирал его и тут же быстро собирал.

Спрашиваю:

— Где я мог так обращаться с китайским автоматом? В Китае?

— Не знаю… А где? Наверно здесь уже, во Вьетнаме.

Тогда я зову кого-нибудь из наших ребят и предлагаю проделать такую же разборку-сборку. Любой проделает это, как говорится, с закрытыми глазами без сучка и задоринки. Саня удивлен, даже растерян. Тогда мы общими усилиями объясняем ему что к чему. «Это автомат Калашникова АК», — понимаешь? И т. д. Что Советский Союз передал Китаю лицензию на производство не только автоматов и автомашин, но еще танков, самолетов и множества других товаров гражданского назначения.

— А что высечено на ваших автоматах? — Показываем. Саня теперь верит. Он только до конца не понимает, почему китайцы так себя ведут по отношению к нам…

Еще возникает разговор о самолетах, теперь уже не спорим, просто Сане все хочется знать.

— Вот у нас летают корейские самолеты МИГ-17. Есть советские — МИГ-21. Это как — там МИГ, здесь МИГ?

Да, здесь летают корейские летчики на самолетах МИГ-17. Мы с ними часто встречаемся в гостинице «Занчу». Здоровые ребята, корейские летчики. Спокойные, вежливые. Объясняем Сане что к чему.

Однажды, приехав в столицу по каким-то вопросам, мы стали свидетелями таких событий. Около здания посольства КНР была задержана машина нашего посольства, в котором находился приехавший в составе делегации товарищ из Москвы. С ним в машине был также и сотрудник посольства. Поводом для задержания послужило, якобы, фотографирование здания китайского посольства. Их увели внутрь здания. Прошло много времени, но их не отпускали. Китайское посольство охранялось своими солдатами, в то время как другие посольства — вьетнамской полицией. Проходя часто мимо посольства Китая, мы замечали эту особенность, но не придавали особого значения — война. Кстати, на крыше посольства были установлены зенитные пушки и пулеметы, и в этом тоже ничего особенного. Во время налетов стреляют.

По Ханою прошли слухи, скорее всего пущенные самими китайцами. Якобы готовилось нападение на их посольство, якобы эти двое были разведчиками. Вздор, конечно. Но кому-то так нужно было.

На улицах столицы стали появляться граждане китайской национальности. А их, по словам вьетнамских товарищей, было не менее ста тысяч. Продвигаясь по улицам в сторону «секун

лиенсо» — советского посольства, они образовали многотысячную толпу. Возникла угроза нашим людям. Была усилена охрана, подошли дополнительные полицейские наряды. Возле ворот посольства толпа устроила демонстрацию «против готовящегося нападения». Это продолжалось дни и ночи. Толпа то редела, то вновь собиралась.

Со стороны посла также были приняты возможные меры. Установили круглосуточное дежурство работников посольства и военных специалистов, штаб которых, я уже об этом упоминал, находился здесь же. Усилили внутреннюю охрану ворот, ограждений, ограничили движение в городе советских граждан. Мы, прибывшие из периферии, были задержаны до особого распоряжения. Нам было приказано разместиться в гостинице «Занчу» и поддерживать с посольством постоянную телефонную связь.

Через двое суток задержанных отпустили. Естественно, с самого начала никаких доказательств «готовящегося нападения на посольство» не было. Инцидент постепенно утих. Что осталось в душе? Конечно, не только, мягко говоря, недоумение, но и вполне уместное возмущение подобной выходке китайских политиков.

Заводы под кронами деревьев

К весне 1968 года враг потерял в небе Вьетнама тысячи боевых самолетов: бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков, разведчиков. Но существенных успехов, тем более перелома в ходе боевых действий, не добился. И он вынужден был пойти на прекращение бомбардировок северных районов Вьетнама. Это был политический трюк. Это была попытка обмана целых народов. Прежде всего американского, который все больше убеждался в беспросветности продолжающейся войны и все активнее выступал против нее. Руководству США хотелось любыми средствами переменить общественное мнение перед началом нового этапа войны.

В дальнейшем американцы не прекратили бомбардировок Севера. Наоборот, за счет перемещения воздушных ударов к югу ДРВ увеличили их интенсивность. Количество самолето-вылетов стало больше. Бомбардировке подвергались, в основном, районы прилегающие к границе между Севером и Югом. Все это было теснейшим образом связано с положением американских оккупантов в Южном Вьетнаме. А там их дела обстояли плохо. Партизаны освободительных сил Южного Вьетнама наносили один за другим сокрушающие удары по врагу, все больше и больше территории они контролировали. Пытаясь уменьшить помощь с Севера, американцы и перенесли основную тяжесть ударов на демаркационную линию и прилегающие районы.

Проехав по дорогам северного Вьетнама, несведущий человек мог бы сказать и такое: мол, бомбить здесь нечего, все разбито. Да, на первый взгляд, но только на внешний вид. На самом деле все обстояло совсем или точнее, не совсем так. Многие предприятия продолжали работать. Из городов они были вывезены в другие районы страны и разместились в лесах, горах и продолжали делать по возможности свое дело: выпускали продукцию, ремонтировали, а учреждения управляли, занимались научной работой, воспитывали и учили детей. Мы воочию убеждались в этом. Встречались с людьми, работавшими на предприятиях, даже поддерживали тесные связи с несколькими коллективами. Бывали в гостях. Посещали цеха предприятий, размещенных в некоторых случаях почти под открытым небом. Приглашали и к себе в гости. Вьетнамские друзья не скрывали тех трудностей, с которыми им пришлось встретиться. Начальник одного из цехов механического завода Куат рассказывал нам, как с началом бомбардировок, они почти не прекращая работы, эвакуировали весь цех со всем оборудованием и людьми на новое

место. Ночами бетонировали места для установки станков, смонтировали дизельную электростанцию, строили навес для цеха, жилье для рабочих и делали тысячи других дел, и это, повторяю, не прекращая выпуска продукции. Этот цех мы посетили вместе с командиром нашей группы подполковником Дмитриевым Александром Васильевичем. Выглядел он вполне по-заводскому и во всю работал и днем и ночью. Было, правда, в нем тесновато. Выстроенные в ряд станки, перемещающиеся вдоль ряда станков тележки с заготовками и готовой продукцией, наглядная агитация, флажки на рабочих местах передовиков создавали обстановку настоящего заводского производства. Только подняв голову вверх и обратив внимание на низкий навес из листьев бамбука, соображаешь: цех-то находится в лесу! Такие строения сверху с самолета не увидишь и не сфотографируешь, не засечешь даже с помощью радиолокаторов. Кроны больших деревьев, зеленые листья на крышах делают их практически неуязвимыми от нападения воздушного противника.

За станками исключительно девушки. Волосы аккуратно заправлены под платочки (так положено по правилам техники безопасности), сосредоточенные лица. Но стоит заговорить с ними (правда начальство этим не довольно), девушки тут же преображаются. Словно солнце выглядывает из-за туч, когда они улыбаются. Узенькие глазенки хитро блестят, никакого уныния, будто и нет войны! Хорошие девчата-вьетнамки. Всем интересуются: откуда, кто, женат ли, сколько детей, получаем ли письма. Разговор сопровождается смехом, шутками.

Еще приглашают в гости. Непременно побываем!

Почему ракета не попадает в цель?

Едем на позицию одного из дивизионов в полном боевом составе. Боевой состав — это когда присутствуют все необходимые специалисты: и по станции кругового обзора, и по станции наведения ракет, и по стартовому оборудованию. При таком составе зенитно-ракетный комплекс проверяется всесторонне, полно и гарантирует хороший успех в бою. Дивизион не нашего полка. Он расположен намного южнее Ханоя, где базируется наш (родной) полк. Причина — последние неудачные пуски ракет.

Неудачных пусков тоже много. Что поделаешь, бывает и такое в боевой обстановке. Не явно выраженные неисправности, ошибки с расчетом… Да мало ли что… В данном случае, по предварительной информации, контроль функционирования проходит нормально, команды на ракету поступают, но она проходит с очень большой динамической ошибкой, срабатывания радиовзрывателя не происходит.

Техника укрыта прекрасно. Кабина управления и аппаратная кабина обведены земляным валом, даже перед дверьми установлены заслоны из ряда пустых тар из-под ракет. Хорошо укрыты и дизеля. Только не нравится передающая кабина — она вся обшита тонкими бамбуковыми палками. Притом бамбук еще сырой, весь зеленый. Я понимаю, что расчеты старались защитить кабину от «шрайка» (это — самоуправляемая ракета, наводится на источник излучения т. е. передатчик, о ней я писал выше).

Начинаем проверку. Все ребята, весь дивизионный расчет находится на рабочих местах. Работаем долго, проверяем тщательно. Дело ответственное, все это понимаем. Все нормально, ни к чему не придерешься. Так было у них и перед реальной стрельбой. В чем дело? Где-то ненормально, это факт. Но где?

У меня есть привычка, если что-то не получается, на какое-то время полностью отвлечься от сути проблемы, забыть ее хоть на короткое время, «освежить мозги», как я сам называю этот прием.

— Алмаз Закиевич, позанимайся минут десять без меня. — Майор Ибрагимов специалист при командире дивизиона. Но он по образованию инженер, хорошо знает технику. Поэтому сегодня он с нами.

— Думаешь, навязываем друг другу свои идеи? И поэтому не можем выйти на верный след?

— Возможно, — отвечаю я и выхожу из кабины. Я уже успел выбросить из головы все мысли, которые минуту тому назад

полностью обволакивали ее.

Здесь несколько прохладнее, чем в кабине, хотя солнце еще стоит высоко. Обхожу позицию по кольцевой дороге (по которой подвозят ракеты для заряжения на пусковую установку). Возвращаюсь в центр позиции и сажусь в тенечке. Закуриваю. Мыслями я далеко отсюда, мне не мешает даже шум работающих агрегатов, следящей системы дистанционного управления передающей кабины. Не помню уже о чем думал в тот миг, но что-то мне стукнуло в голову. Визг! Откуда-то вырывающийся визг от вращения кабины. Это Алмаз Закиевич крутит, что-то проверяет. Не должно быть такого звука! Ну-ка, ну-ка, повторись еще пару раз… Медленно подкрадываюсь. Ну, давай еще раз! Давай!

Стою и смотрю на кабину. А она как на зло остановилась. Осматриваю от нечего делать обшивку. Очень толстая обшивка из бамбука. Тяжелая. Что — тяжелая? Я подхожу и щупаю руками эту самую обшивку. Все! Все ясно! В других дивизионах, которые успешно стреляют, обшивки из сухого бамбука, они и тоньше. Точно — загвоздка в этом! Стремглав — в кабину управления.

— Алмаз! Быстро выходи, а ты, Семенович, вращай кабину «П» (так кратко называем мы передающую кабину), и от штурвалов наведения, и от операторов ручного сопровождения! С разной скоростью, в разные стороны!

Семенович (я забыл представить его, он специалист по кабине управления «У») крутит, кабина «П» визжит. Алмаз смотрел не долго.

— Надо срочно скинуть этот бамбук, черт его дери!

— Понял, в чем дело?

— Конечно. Ты как прочищал свой мозг?

— Не прочищал, а освежал.

— Ну, молодец. Теперь дай команду, чтобы быстро скинули эти дрова!

Минут двадцать потребовалось времени, чтобы все встало на свои места. Радостям не было предела. Вьетнамские солдаты, насколько они умеют сдерживать свои эмоции, и то прыгали от радости, совершенно забыв себя. Командир дивизиона немедленно приказал накрыть столы, благо подходило время обеда. Наши ребята тоже не скрывали своей радости. Это же надо! В соседнем полку! Только не слишком дружелюбно глядели на Владимира Смирнова, главного по кабине «П», — как же ты сам не догадался? А тот, потупив глаза, смотрел в сторону и молчал.

Мы даже выпили предложенную бутылку лоамоя…

Радиопомехи

Еще до нашего приезда американцы стали применять радиопомехи против средств ПВО. Они настолько оказались эффективными, что вначале наступила некоторая растерянность. Ракеты сходили с траекторий, взрывались, не долетев до цели. А в иных случаях самолеты на экранах радиолокаторов вообще нельзя было обнаружить. Помеху создавали с помощью специальной разработанной аппаратуры против конкретных локаторов. Американцы уже полностью разведали частоты всех применяемых во Вьетнаме передатчиков и приемников. Если раньше аппаратура помех у противника не была рассчитана на конкретные условия, то теперь она точно «накрывала» наши частоты. Инженерам пришлось поломать головы, чтобы найти противоядие этому оружию. Научились быстро перестраивать каналы наведения ракет, (из-за помехи по этому каналу рули ракеты занимают одно из крайних положений, и ракета отклоняется далеко от своего курса, не попадает в цель). Трудное было время для ракетчиков. Средний расход ракет на одну сбитую цель возросла, достигнув 10 ракет на каждый сбитый самолет. Основная тяжесть борьбы легла на плечи зенитной артиллерии. Но она доставала только низко летящие цели, так же как и пули стрелкового оружия.

В Ханой срочно прибыли конструкторы. Они на месте принимали те или иные решения, вносили изменения в схемы. Постоянно работала группа доработчиков с завода-изготовителя. Эти ребята работали не считаясь со временем суток, днем и ночью. Результат их работы проверялся в практическом бою. Это дало свои результаты. Со сбитых постановщиков помех по крохам собирали детали передатчиков помех, восстанавливали их данные и исходя из них искали способы и методы борьбы.

Мне посчастливилось работать в этот «горячий» период войны вместе с ребятами из инженерно-ракетной службы группы советских специалистов во Вьетнаме. Руководителем был полковник Шерстобитов. Мы были с ним и ранее знакомы. Это помогло немедленно окунуться в дело. Это был очень опытный инженер. Помимо этого он обладал талантом и дипломата, и политика. В группе инженеров были и другие мои знакомые и сослуживцы. Один из них — майор Широков Юрий Васильевич, мой сокурсник по училищу. При случае я о нем еще расскажу.

Вместе смотрим кино

Наш полк к началу лета 1968 года третий раз сменил боевые позиции. В этот раз нас, специалистов разместили на территории ихтиологической станции. Здание этого научно-исследовательского учреждения во время бомбежек сильно пострадало. Жилье мы устроили заняв несколько комнат. Одну из них мы назвали Ленинской комнатой. В бывшем зале заседаний мы смотрели кинофильмы. Отсутствие окон и дверей нам не мешало. Еще две маленькие комнаты были приспособлены под спальни.

У нас была небольшая киноустановка, а киноленты привозили из Ханоя. После нескольких просмотров их меняли на другие. Правда, на просмотры фильмов оставалось немного времени. И ленты меняли очень редко.

С началом войны штат сотрудников станции значительно уменьшился, но научные работы не прекращались. Темы касались возможности разведения рыб в искусственных водоемах. Работы велись и над лягушками, привезенными из Кубы (совместные работы). Возглавлял станцию товарищ Туан. Он кандидат наук, защищал это звание в Советском Союзе. Я только от него узнал, сколько рыбных институтов у нас: Астраханский, Архангельский и еще какие-то.

На площади в несколько гектаров бассейны для исследовательских работ. Здесь же системы для обновления воды, насосы и другое необходимое оборудование и сооружения. Большая часть из них пришла в запустение из-за отсутствия людей и средств. Вдоль дорожек между водоемами ровными рядами посажены деревья. Дорожки заасфальтированы. Идешь по ним и чувствуешь себя как в экзотическом саду, пока не наткнешься на воронку от бомбы или развалину домика.

Сотрудники живут по-военному: на месте службы, в соседних с нами домиках. Общая кухня их находится рядом с нами на открытом воздухе. Существует жесткий порядок, строгая дисциплина — военное время. Покидать место работы и жительства только с разрешения начальства. Работают столько, сколько требует производственная надобность. Поэтому советские специалисты подстраиваются под распорядок дня станции. Если они работают в том здании, где расположены лиенсо, мероприятия последних отменяются. Такие дни согласовываются руководством между собой.

В дни просмотра кино наш старший сообщает донгти Туану время начала кинофильма. Приглашаем всех, но товарищ Туан

заранее интересуется, какой будет показан фильм, какой сюжет и т. д. Если по содержанию фильм подходит, то он разрешает, если нет, то он отказывает своим в просмотре, говоря: не стоит того, чтобы на него теряли драгоценное время. Это значит, что фильм развлекательного характера.

Во время сеанса вьетнамцы группируются, как правило, возле переводчиков. Но не обязательно. Среди нас тоже есть ребята, которые могут делать если не синхронный, то довольно понятный перевод происходящего на экране. Девушки садились обязательно к Смольскому или Смирнову, они переводили с шутками и прибаутками, не сухо, как это делали вьетнамские переводчики. Мне и самому приходилось переводить. Трудновато, но смысл происходящего можно донести.

Мы устраивали и совместные ужины. Пели песни. Вьетнамцы знают много песен русских, любят их. И что удивительно — они лучше нас знают слова! Мы обычно один-два куплета, а дальше шевелим губами. Очень любят «Подмосковные вечера» и с удовольствием поют.

Наш полк, несмотря на постоянные перемещения других частей, все еще оставался на прикрытии столицы. Теперь в зоне Ханоя была организована дивизия, в состав которой входил наш полк. Полки из южных провинций время от времени заменялись другими, более свежими, отдохнувшими от тяжелых боев. В наших зонах поражения, в основном, летали самолеты-разведчики, в том числе и беспилотные. Трудно было их сбивать. Небольшие по размерам на малых высотах (от ста-двести метров). Они начинены радио- и фотоаппаратурой. Их нужно было сбивать во чтобы то ни стало, т. к. они уводили с собой очень важные сведения в сторону моря. Это сведения о дислокации войск, о ходе восстановительных работ на военных и важных стратегических объектах и т. д.

Кроме беспилотных самолетов к разведке стали применять новый разведчик СР-71. Разведка ведется с больших высот (более 20 километров). Эти самолеты изготовлены из титановых сплавов. Конструкции из других металлов при скорости свыше 2000 километров в час не выдерживают. Много пусков было произведено по этим самолетам, но без толку. Да и в принципе с помощью имеющихся ракет и станций наведения в тот период во Вьетнаме сбить их было невозможно, так как они не были рассчитаны на эти скорости. Взлетали они с островов на Тихом океане. Быстро пролетев над территорией Вьетнама, садились на аэродромах Лаоса или Тайланда. Дозаправившись, вновь пересекали Вьетнам, производя фотографирование с большой высоты обширную полосу. Но сбить их так и не удавалось.

Положение осложнялось еще и тем, что очень плотно применялись радиопомехи.

Без каски под бомбежкой
Струйки крови на лице

В инженерно-ракетной службе советских специалистов при командовании ПВО-ВВС работал близкий мой товарищ еще по учебе Юрий Широков (я выше упоминал о нем). Юра простой, открытой души парень. У него нет никаких секретов от друзей. Он всегда весел, разговорчив. Приятно иметь в жизни таких друзей, тем более вдали от Родины. Юрий родом из Москвы. Нам с женой и маленькой дочерью как-то пришлось даже переночевать в их маленькой квартирке в районе метро Фрунзенская. Это случилось во время нашего отпуска несколько лет тому назад. Наша дружба продолжалась потом по переписке. И вот встретились здесь…

На позиции старались ездить вместе, но случалось, попадали и врозь. Когда вместе, в нашем распоряжении был путь туда и обратно. С удовольствием вспоминали годы учебы, друзей, знакомых. Никогда с Юрой не было грустно. Если случалось встретиться где-либо в гостинице или в другом укромном месте — забывали о сне и отдыхе. Наша встреча сама была прекрасным отдыхом. Ставили на стол бутылочку. Юра любил и раньше сладкое вино. Или, если его не было, ликер. За бутылкой сладкого, тягучего густого ликера разговорам не было конца.

Однажды мы ездили в дивизион далеко за Хамжонгом. В первую ночь работу не закончили и остались на вторую. Разместились недалеко от дивизиона в деревне. Время клонило к рассвету. Мы решили немного перекусить и лечь поспать. Разложили на ящике из-под лимонада все, что было: курица традиционная, консервы, овощи, фрукты. У меня была в запасе бутылка лоамоя.

Прошло, пожалуй, около получаса, когда невдалеке от нас послышались разрывы. Крупные бомбы кидал американец. Клубы земли, обломки деревьев, досок взлетали высоко над деревьями. Мы немедленно выбежали из бунгало, ища какое-нибудь место для укрытия. Самолеты, кажется, уже делают второй заход.

— Здесь траншея! — крикнул Юра и первым бросился в нее. Мы оба были в трусах, но Юра оказался еще и в каске. А я забыл прихватить.

Я распластался позади Юры. Траншея была узкая, глубиной с полметра. Бомбовые взрывы опять начали раздаваться, притом ближе, чем при первом заходе. Вздрагивали при каждом взрыве, прижимая голову и тело к влажной и холодной земле. Время

тянулось, кажется, долго. Вдруг почувствовал какой-то удар по голове. На мгновение голова затуманилась. Невольно руку перенес к больному месту (они и так закрывали виски и уши), чувствую — влажно. Кровь стекала на лоб и уже мочила лицо.

— Я кажется, ранен, — сказал наконец. Вокруг стояла такая тишина, какую я давно уже не слышал. Мы еще лежим и не шевелимся. Тут я начинаю различать биение своего сердца. Его биение отдается в голове. Так… А что с Юрой? Почему он меня не слышит? Ведь самолеты, кажется, не возвращаются. Нет, я увлекся слушанием биения своего сердца, не слышал как встал мой товарищ. Он, оказывается, сидит на корточках над моей головой и силой отрывает мои руки от головы. Кровь сочилась в двух местах, и с макушки, и со лба, правой ее части, как раз с жировика, выступавшей в правой верхней части. Я его тщательно прикрывал волосами, зачесывая всегда в правую сторону…

— Не осколок ли? — спросил Юра, надавливая пальцами вокруг ран. — Не чувствуешь, не режет?

— Нет. — Оказалось, ударило меня кусочком (кусочками)? гнилой (откуда взявшейся?) доски.

Поднялся на ноги, пошатываясь. Пришли в бунгало. Юра начал делать перевязку, по всем правилам оказания медпомощи — нас учили. Прибежали и остальные ребята.

Через полчаса меня отправили в Ханой. Но в госпиталь ехать отказался, а отправился к хирургу в санчасть при нашем посольстве.

Александр Иванович Радовский оперировал тотчас. Вымыл, вычистил от чего надо. Заодно вырезал и мой жировик.

Подполковник Радовский из знаменитой Московской больницы имени Бурденко. В этих записках мы с ним еще встретимся.

Рана была, конечно, пустяковой. Пролежал в постели с температурой и головными болями около недели.

Я ни разу после этого случая не оставлял своей каски. Ведь будь тогда на моей голове каска, не было бы никаких «кровопролитий»!

Конференция. Знакомство с Щербаковым

В эти дни, когда на моей голове белела марлевая повязка, в посольстве должна была состояться конференция, которую назвали научно-практической, по вопросам повышения эффективности боевых пусков, куда был приглашен и я. Приехав утром к посольству, решил до начала конференции сходить на перевязку в санчасть, иначе мне пришлось бы пропустить часть выступлений.

Чувствовал себя хорошо, настроение было бодрое. На улице, по которой я шел к санчасти, еще стояла утренняя прохлада. Воздух был чист, пахло цветами и мокрым асфальтом. Ночью прошел небольшой дождик, листья на деревьях были влажными. Здесь продавали цветы: каких только здесь не было!

Шел, любуясь всей этой утренней красотой, кругом тихо и мирно. На моем лице было естественное благодушие. Меня кто-то окликнул:

— Что, товарищ, Вас ранило? — Внимание мое было поглощено иным, появление его передо мной я и не заметил. Стоял мужчина, на вид лет пятидесяти пяти, невысокий, коренастый, в легком сером костюме. Поседевшие, начинающие редеть волосы зачесаны назад, из-под коротко подстриженных усов — добрая улыбка. Белоснежная рубашка, серый, в тон костюму, галстук подчеркивали его и без того заметную интеллигентность, видно было, что он не из «простых».

— Да пустяки, — ответил я. — Слегка царапнуло.

— Давно приехали?

— Не слишком давно, — ответил я, но, как видно, точного ответа он не получил и поэтому, наверное, почувствовал, что был несколько некорректен с незнакомым человеком.

— А Вы, простите кто, чтобы я Вам докладывал?

— Ну, ну, не буду больше. Не сердитесь. А работаю я в посольстве. Несколько причастен к военным делам, поэтому и спросил. Фамилия моя Щербаков, звать Илья Сергеевич. — Я тоже назвался.

— Ну вот и познакомились. До свидания, выздоравливайте.

— Спасибо, — сказал я, и мы разошлись.

Зал, где проходила конференция, был полон. Здесь были командиры, инженеры, некоторые работники посольства и другие товарищи, которых касались обсуждавшиеся вопросы. Присутствовал заместитель Главного конструктора зенитно-

ракетного комплекса. Не буду углубляться в работу конференции, а продолжу рассказ о человеке, с которым я встретился утром на улице.

Я всматриваюсь в лица людей, сидящих за столом президиума. Сидит там и Щербаков. Он внимательно слушает выступающих, что-то записывает. Когда смотрит в зал, кажется на какое-то время задерживает свой взгляд на мне. Кто этот человек? Раз он сидит в президиуме, значит шишка не малая. Из сидящих рядом со мной его никто не знает.

Во время первого перерыва участники конференции почти все выходят на улицу — в зале душно. Кто прогуливается, кто, собравшись в круг, курят и продолжают разговор, начатый в зале. Илья Сергеевич в окружении нескольких человек, в том числе и наши генералы. Я спрашиваю еще одного, кто тот в сером костюме.

— Еще не знаете? Это — наш посол.

Вот оно что… Посол, нет, Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза в ДРВ Щербаков Илья Сергеевич! Вон с кем я имел честь разговаривать, может быть не слишком вежливо, сегодня утром. До сих пор мне не приходилось встречаться с Чрезвычайными и Полномочными послами.

Правда, моя гордость от знакомства с послом тут же улетучилась, более того, мое состояние пришло в состояние расстройства. Я вел себя не тактично, нехорошо это. Так и сидел я весь остаток времени в заднем ряду, прячась за спины товарищей.

О Чрезвычайном после СССР мне приходилось раньше слышать. Слышал только хорошие слова. Говорили, что он живет здесь без семьи. Это после того, как в дипломатическом квартале упала бомба. Одна ракета попала в дом советского военного атташе генерала Алексея Ивановича Лебедева. Это был «шрайк», запускаемый на источник излучения — локатор. В доме в это время находился сам генерал и еще две женщины. Правда, никто не пострадал.

Во время пребывания во Вьетнаме мне не раз пришлось видеть и слушать его. На собраниях, совещаниях. Все восхищались широтой его ума, логикой его мысли, простотой речи и манерой обращения с людьми. Через несколько лет я узнал о том, что его направили послом в Китай. А это был один из ответственейших дипломатических постов в этом регионе мира. А Илья Сергеевич этот район очень хорошо знал. (И.С.Щербаков ушел на пенсию с этого поста в апреле 1986 года).

А меня он все-таки узнал! Это было осенью. Проходило какое-то собрание (кажется, партийный актив). Помещение, в котором проходило собрание, примыкает к залу приемов посольства. Во

время перерыва курильщики пошли на лестничную площадку, а некурящие через другую дверь в зал приемов. Встретились в проходе. Я был уверен, что он меня не узнает, ведь прошло много времени после первой встречи (с повязкой на голове), и я избегал его, стыдясь своей развязности тогда.

— Здравствуйте! Мы, кажется, встречались летом у цветочницы, за посольством? Вы были с повязкой на голове.

— Так точно, Илья Сергеевич, встречались.

— А теперь как поживаете? В какой группе работаете и в какой должности состоите? — Я сказал.

— Эта группа у нас, кажется, на хорошем счету? — Он повернул голову в сторону генерала Стольникова, находившегося рядом.

— Это одна из лучших, товарищ Посол. Опытная, по всем статьям…

— Так и должно быть. Там главным инженером мой старый знакомый. — Он засмеялся, почти беззвучно, одними губами.

Конечно он шутил. Но я первый раз видел как он шутил и так от души (по глазам видно) смеялся. Хорошее настроение было у него в этот день. В конце разговора я просил у него прощения за свою резкость в разговоре с ним в тот раз. Он сказал:

— Ничего. Это бывает у вашего брата, военного. Но Вы правильно, тогда возмутились, когда я, не представившись, стал задавать вопросы. Забудем, а?

Вокруг собралось много людей, все со вниманием слушали наш приятельский, как говорили потом ребята, разговор. В глазах у некоторых светилось удивление, кое-где блеснули и лучи зависти: с самим Чрезвычайным и Полномочным Послом имеет честь быть знакомым!

Время шло. Менялись люди, в том числе и командование. Старшим группы военных специалистов Советского Союза в ДРВ к тому времени был назначен генерал-лейтенант Стольников, из ракетчиков, старшим группы по ЗРВ приехал знакомый нам генерал Стучилов, а его начальником штаба оставался полковник Абрамов. Сменился и старший по авиации. Им стал генерал-майор авиации Анциферов.

Генерал-лейтенант Абрамов В.Н. пробыл здесь полтора года. В Союзе, уже после возвращения из Вьетнама мне приходилось его видеть, он был назначен командующим одного из объединений. А службу заканчивал, если не ошибаюсь, помощником Главнокомандующего войсками ПВО страны в Москве.

Приемы по случаю. Доктор в гостях

Дорогой читатель! Не суди так строго мой литературный опус. Он не претендует на место в ряду шедевров. Отличительная особенность его в том, что он написан простым советским офицером, оказавшимся в кругу жарких событий борьбы двух гигантских военных машин того времени, 60-х годов XX столетия. Не много написано о той освободительной борьбе вьетнамского народа в советской печати, что этому мешало, судить не берусь. Но теперь появилась возможность еще раз вернуться к событиям тех лет.

Записи в военной обстановке я не вел, да и не разрешалось это делать. Но, вспоминая прошлое, я хотел бы здесь рассказать об истоках мужества и стойкости вьетнамского народа, о самоотверженном труде советских военных специалистов. Если в описаниях событий тех лет, судеб отдельных людей, эпизодов жизни вьетнамских воинов и советских военных ты увидишь хоть толику того, что явилось основой для победы, то я буду благодарен тебе. Часто приходится слышать по телевидению и радио о приемах, устраиваемых в честь кого-либо, делегаций, гостей, отдельных личностей. Есть приемы по случаю каких-либо событий.

Нам тоже приходилось принимать участие в приемах, притом на разных уровнях. Например, в Национальном собрании ДРВ, у Командования Народной Армии, ПВО-ВВС, провинциальных комитетах Партии трудящихся Вьетнама и других местах более низкого уровня: полк, дивизион… Как-то само собой вошло в привычку называть приемами встречи с командованием частей, при которых мы состояли руководителями местных властей. Не могу утверждать, но возможно это пошло с неточного перевода слов: «встреча», «беседа», «посещение» и т. д. Дальше пошло: даже встречи между собой стали называться приемами.

Вьетнамцы при встречах всегда стараются пригласить за стол. Это придает и официальность, в то же время сближает собеседников, располагает к откровенному разговору. Еда, питье и сигареты играют при этом немаловажную роль. Чай и сигареты всегда ставятся на стол, и большинство бесед проходит с чашкой чая в руках. Чай вьетнамский терпкий, он хорош в жару. Он заваривается непосредственно перед употреблением, кипяток всегда стоит готовый. Пьют его из маленьких чашечек. На тарелки положили раскрытые пачки сигарет. Вьетнамские сигареты крепкие, тогда сигареты выпускались без фильтра. Мы привыкли к такому крепкому табаку только потом, сначала

курили более мягкие с фильтром: «Новость», «Краснопресненские». Иногда на стол ставят бананы, фрукты. В зависимости от того, чем располагает хозяин. «Богатые хозяева» это более высокий уровень приема. Вообще вьетнамцы гостеприимный народ. Несмотря на скудность военного времени они для гостей выставляют на стол все, что у них есть. Это есть настоящее гостеприимство, уважение к гостю.

На официальных приемах куда более пышно. Кухня вьетнамская очень разнообразна и блюда, приготовленные для гостей, вкусны и красиво оформлены. Все участники, организаторы и приглашенные, облачаются в костюмы, обычно в белые рубашки, черные брюки. Не всегда при галстуках.

Самый высокий прием, где нам посчастливилось быть, прием в Национальном собрании в конце августа 1968 года в честь праздника. Мы присутствовали всей группой, хотя я помню, сначала были приглашены только мы с командиром. Приглашенных было несколько сот человек. Столы накрыты в нескольких залах. Прием на манер дипломатического: сидячих мест нет. Высокие широкие столы уставлены всяческими яствами. Принимал министр канцелярии Премьер-министра. Обходя все залы приема, он благодарил советских специалистов за помощь в борьбе с американским агрессором. Были ответные тосты.

Примечательно то, что с этого приема я и еще два наших техника поехали прямо на стартовую позицию. Найти меня среди множества гостей оказалось не просто, так как приехавших офицеров в само здание не пропускали. Помогли им наши ребята. Вышедшие проветриться, видя, что разыскивается такой-то, пошли по всем рядам, передавая просьбу вьетнамских товарищей.

Машина пришла прямо из дивизиона, у них с собой даже переводчика не было. Я взял с собой еще двух товарищей. Дивизион стоял далеко от Ханоя. По дороге объяснялись по-вьетнамски.

Оказалось, что дивизион занял новую позицию, но привести себя в боевую готовность не смог. В эти дни шли непрерывные дожди. Дороги на позиции и прилегающих местах оказались не пригодными для проезда. На позиции накопилось большое количество ракет. Даже артиллерийские подразделения не могли занять предполагаемые позиции, завязли в грязи. Создалась опасная обстановка.

Приехали около часа ночи. Станция наведения развернута. Из шести пусковых установок смогли протащить на позицию только четыре, остальные две вместе с тягачами сидели в грязи глубоко. Две ракеты были уже заряжены, хотя, до проверки функционирования стартового оборудования без ракет, этого

нельзя было делать. Все, начиная от водителя тягача до командиров пусковых установок просили помощи. Но прежде прошли в станцию. Там неисправность была несложная, ребята разберутся. И я с командиром дивизиона вышел к стартовикам. Одна машина не прошла, другая пыталась ее обойти. Вот и перепахали всю позицию. Главное, нет возможности применить лебедку, которая есть у каждой машины — некуда прицепить конец троса. Близко к позиции нет ни одного дерева или еще чего-либо, чтобы зацепиться.

Ходим в темноте с командиром и думаем с какого конца начать. У одного тягача левая дверца открыта. За рулем сидит водитель в одних трусах. И качает машину: взад, вперед. Но не слишком получается, вернее, совсем не получается. Не хватает росточка парню. Еле дотягивается ногами до педалей. Пока переключает с передней передачи на заднюю машина успевает переместиться на другое место, эффект качки теряет свой смысл. Я прошу уступить место мне. Надо сказать, что наши офицеры имеют неплохую практику вождения грузовых машин, тем более таких тягачей. Повозились много за время службы в зенитно-ракетных войсках.

Я действую тем же манером, качаю. И получается: через несколько минут машина на ровном месте. Теперь ее надо увести подальше — она мешает здесь с пустым полуприцепом. Это уже дело водителя. Он получает указание от командира.

Меня разыскал Геннадий Полетаев: у них со станцией все нормально. Я зову их к нам на помощь. Вскоре кольцевая дорога освобождается от всякой техники. Без команды ничего не позволяем делать. Теперь с командиром стартовой батареи планируем, в какой очередности что делать. В первую очередь — оставшиеся пусковые установки на свои места. Затем контроль функционирования всего комплекса.

Всё успели сделать к рассвету. С момента нашего прибытия прошло более четырех часов. Мы уже направились к машине, когда завыла сирена и раздались крики:

— Май бай ми!

«Вовремя», — подумал я. Придется подождать. В это время к позиции подъезжает заместитель командира полка товарищ Куат. Он наш давнишний знакомый. Еще с Союза. Мы с ним познакомились на учебном пункте в Бакинском округе ПВО. Приезжал весь наш полк, вновь сформированный из нового пополнения. С тех пор он первый заместитель командира полка. Многие сменились, многие ушли на повышение по службе, а донгти Куат оставался на своем месте, хотя часто исполнял обязанности командира. Впрочем, главный инженер полка донгти

Ань так же с того времени бессменно находится на своей должности. Товарищ Куат принял рапорт командира дивизиона и остался очень доволен проделанной работой. Долго нас благодарил и… предложил срочно отсюда уехать. Куда денешься, пришлось уехать, не дождавшись отбоя «тревоги». Я думаю, ребята в кабине управления уверенно крутили штурвалы, ища на экране цель…

Мы начали разговор о приемах, надо его и докончить.

Слово «прием» автоматически перекочевало в наш лексикон и нашу жизнь. В жизнь, так сказать, чисто внутреннюю.

Вдали от Родины, семьи, родственников жизнь своеобразна, не привычна, порою скучна и тосклива. Вполне естественно, когда кто-то из ребят заявляет о своем желании отметить день рождения или какое другое событие (если, конечно, обстановка этому благоприятствует), коллектив с удовольствием поддерживает это — и вот тебе прием!

Человек хочет в кругу своих товарищей расслабиться, вспомнить прошлое, родных, друзей, родной дом, спеть любимые песни, поделиться сокровенными мыслями… Не каждому удавалось отпраздновать свой памятный день так, как хотелось бы. Чаще наши дни были заполнены работой на стартовых позициях, долгих и утомительных переходах. Но, когда выдавались такие редкие свободные дни, старались использовать их для поднятия настроения, духа. Такова уж душа русского, советского человека, нашего брата. Эти дни, точнее вечера, оказывались настоящим бальзамом для больной, порою угнетенной тоской по Родине души, разрядкой от стрессов, накопленной усталости, физической и духовной.

К приемам виновник торжества начинает готовиться заранее. Прикупает редко появляющиеся продукты, заказывает повару необходимые, конечно, свои любимые блюда. Приглашенные тоже готовятся загодя: чистятся, стираются, гладятся. Покупают подарки. Обычно в складчину.

О блюдах любимых. Мы, привыкшие к русской кухне, не всегда, особенно в начале прибытия во Вьетнам, с удовольствием кушали все то, что подавалось к столу. Но потом это стало надоедать, однообразие всегда плохо действует на нормального человека. Разнообразить пищу на нашем столе помогли как раз эти самые приемы. Кому-то хотелось, чтобы ко дню рождения был подан борщ, кому-то блины и т. д. Шли к повару с поклоном. Придется, конечно, некоторое время на кухне с засученными рукавами и в белом халате (иначе на кухню хода нет) и совместно с нашим поваром отработать технологию приготовления. Повар усвоит это навсегда. Повар у нас был классный. Ему было лет 55.

Так любил свою профессию и гордился этим. Звали его Тан.

К моему дню рождения, который отмечали в конце августа, я научил повара стряпать пельмени. Получились отменные, язык проглотишь!

После моего дня рождения пельмени на нашем столе стали появляться все чаще и чаще. Ребята из других групп, иногда проездом, иногда приезжая по делам, восхищались нашей кухней, искусством нашего повара, от чего он бывал на седьмом небе и был готов, казалось, накормить пельменями всех лиенсо, находящихся во Вьетнаме.

Однажды, приехав из дивизиона, попал на «прием», устроенный командиром нашей группы в честь врача из Ханойского Центрального госпиталя, тоже нашего военного специалиста. Фамилию его приводить не буду — был такой уговор. Он кандидат медицинских наук, хороший хирург. Во Вьетнам прибыл несколько позднее нас, но мы с ним были хорошо знакомы, часто встречались в Ханое. Приехал я домой после устранения сложной неисправности. Возились с ней больше суток инженеры полка и вместе с ними наш Геннадий Полетаев. (Кстати, на второй день после этого дивизион сбил беспилотник). Вьетнамские ребята были бесконечно рады, говорили, что если бы эта неисправность не была устранена, то этот самолет «достался» бы другим, а радость победы была бы не у нас.

Войдя в комнату, где вместе со мной проживали командир и наш врач Игорь Павлович Туркин, я увидел за уставленным всякими яствами столом командира и гостя. На столе, естественно, были и пельмени, и выпивка. Игорь лежал на своей лежанке и грустно смотрел на меня своими серыми глазами, вокруг которых были черные кольца. Дело в том, что несколько дней тому назад Игорь, пробираясь в темноте со второго этажа на первый по разбитой при бомбежке лестнице, споткнулся и, упав, сильно ударился об камень. Как выяснилось потом, при этом разбил основание черепа. Одним из признаков треснутого черепа является, оказывается, появление черноты вокруг глаз. Игорь посмотрел на себя в зеркало — «черные очки»! Так он поставил себе точный диагноз, затем об этом было доложено в Ханой. Больного нельзя было транспортировать несколько дней. Мы ждали врача, и вот он приехал. Задача его — осмотреть больного и принять решение о перевозке в госпиталь. Он приехал в автобусе со всеми принадлежностями (носилки и т. д.) для перевозки.

Командир и доктор были уже навеселе. Они шумно приветствовали вновь прибывшего, то есть меня, и тут же потянули к столу.

— Ты приехал как раз вовремя! Садись скорее! Выпей с устатку!

Я вежливо отвел их руки, сказав, что нужно сначала хорошенько вымыться: снять с тела пот и дорожную пыль. Выходя из комнаты, успел перебросится несколькими фразами с Туркиным. Он сказал, что его решили вести сегодня ночью, когда на дорогах спокойнее. Он просил перед его отъездом организовать ужин, а сейчас гостя постараться уложить спать, чтобы он перед дорогой отдохнул. Хорошо помывшись, сменив белье и рубашку, я присел к столу. Прием продолжался. Вперемежку с тостами рассказывались интересные байки. За столом было о-очень весело. Разговор об отдыхе перед дорогой никто не воспринимал всерьез. Никто из них спать не хотел.

Незаметно спустилась ночь, пришлось зажечь свечи. Подали сигнал к ужину. Гостя в общую столовую приглашать не стали, его внешний вид и поведение оставляли желать лучшего. Ужин принесли в комнату. Но оказалось, что выпивка-то подошла к своему концу. У разгулявшихся выпивох это обстоятельство вызвало тревогу. Все дело испортил Игорь, подав из своего угла голос:

— Александр Иванович, если еще хотите выпить… — Его немедленно перебил командирский бас:

— Какой вопрос, Игорек!!! Конечно, хотим, конечно. Странные вопросы ты задаешь иногда, доктор. Сегодня такой гость… Такой гость…

— У меня здесь под лежанкой в чемодане есть женьшень. Достаньте.

Было известно, у Игоря в чемодане лежала пол-литровая бутылка настойки корейского женьшеня с настоящим корнем. Доктор знает что покупать — лекарство!

— Вот это делово! — воскликнул приезжий доктор. — Сейчас мы с тобой протрезвеем, командир. А потом соберемся в дорогу.

На столе появилась бутылка с корнем, и встала рядом с другой, в которой был лоамой. Женьшень и рис — первопродукты этих двух хмельных напитков.

— Будем пить так, командир, — продолжал приезжий доктор, наш гость. — Рюмку рисовой, рюмку женьшеня. Хмель как рукой снимет. А то мы с тобой того…

У меня невольно расширились глаза, глядя на него и не мог выговорить слов, которые застряли на языке: «О чем ты, доктор?» — Да-да. Не строй удивленные глаза. Я практически это проверял. Поразительное лекарство!

— Ладно, не шути, — наконец сказал я, поняв, что будет настаивать на своем. — Можно понять заблуждения простых

смертных, но кандидата медицинских наук… Но извини меня.

— Да я тебе еще раз объясняю, что проверил на себе. Не знаю как там с законами природы, логики и арифметики, но я тогда нисколько не пьянел — я после каждой рюмки водки выпивал рюмку женьшеня. Она, точно, нейтрализует водку. Как и почему это происходит — я объяснить не могу, но это так.

Чего с ним спорить? Пьяный есть пьяный. А Александр Васильевич молчал, улыбался. Слушал спокойно наш спор и, не повышая голоса повторял:

— Кто из вас прав, кто не прав, мы это сейчас же и проверим. Мы это сейчас же и проверим… — Стал разливать в рюмки лоамой.

Что было делать? Беспокойство вызывает сама поездка. Не было бы необходимости ехать — пожалуйста, пусть пьют себе «на здоровье». Не отнимать же из рук рюмки, того и глядишь, подерутся.

Ладно, думаю, пусть выпьют, может уснут, к ночи выспятся.

Еще принесли что-то горячее. «Под горячее» опять было выпито довольно много опьяняющих и «отрезвляющих» рюмок. Из своего угла встревал в разговор Игорь Павлович. Вроде больной, тем более не выпивший, но все равно подогревал сидящих за столом. Те слушали его не перебивая, «из уважения к больному», а потом «развивали его мысли».

Время подходило к десяти, когда пришел водитель с переводчиком. Он интересовался, едут донгти лиенсо сегодня в Ханой или останутся ночевать. Наш гость тут же встал и подошел к водителю.

— Едем, и только так, — выговорил он, едва шевеля губами и пытаясь хлопнуть вьетнамца по плечу.

Я начал отговаривать доктора, предложил сейчас же лечь спать, а в путь тронуться рано утром. Меня на этот раз поддержал и командир, и Игорь Петрович. Но не тут-то было: доктор из Ханоя упрям: едем и все. Поспорив довольно долго, мы сдались (какой толк спорить с пьяным?), потеряли надежду в успехе и начали готовиться к отъезду. Было единственное желание: быстрее посадить доктора в автобус и постараться его усыпить. Но спать он никак не собирался. Был возбужден, ходил шатаясь туда-сюда, без умолку говорил. Игоря занесли в автобус на носилках, уложили между сиденьями. Доктор тоже вошел в автобус, но ложиться и не думал. Отправлять их в таком состоянии никак было нельзя. Что же делать? Всячески старались задержать их, но время шло. Ну, наконец, он замолк и вскоре заснул на переднем сиденье. Я предлагал дать кого-либо на помощь, но Александр Васильевич не согласился.

— Доедет как миленький, проспит до самого утра, — сказал он.

Так и уехали вчетвером: водитель, переводчик, больной и… пьяный.

Для Игоря эта поездка продолжалась долго. О том, как они добирались до столицы, устраивался в госпиталь, он рассказывал потом, месяц спустя в госпитале. Приехав в Ханой, решили сначала отвести доктора в гостиницу. Его невозможно было разбудить. Пришлось втроем тащить на второй этаж, укладывать в постель, и только потом ехать в приемный покой госпиталя. Получилось так, что не доктор сопровождал больного, а больной — доктора, здорового. Когда потом мы встречались с ханойским доктором, он виновато опускал глаза, отворачивался.

В честь Нового 1969 года мы пригласили командование полка из дивизионов. Гостей собралось более двадцати человек. Поставили что-то вроде елки, украсив ее самодельными игрушками. Стол накрыли в той же комнате, где стояла елка. Прием, как говорится в отчетах, прошел в теплой и дружественной обстановке. Пели песни, произносились тосты. Пожелали друг другу здоровье и успехов, главное — скорейшего окончания войны. Засиделись за разговорами до глубокой ночи.

На Новый Год по восточному календарю командование полка пригласило к себе.

2 января нового года пришла радостная весть: сбит еще один беспилотный разведчик. Мы вдвоем с командиром спешно выехали в дивизион. Сразу видно по лицам: хорошее настроение сегодня у личного состава. Командир дивизиона встречает нас у въезда. Довольно улыбается, но видно, что радость свою старается скрывать, как и подобает мужчине. Вообще, вьетнамцы буйно не выражают свой восторг, радость, эмоции умеют сдерживать. Но радость светится на каждом лице. Со всей позиции подходил народ к центру, все хотели выразить нам свою благодарность. Видя это, комиссар решил воспользоваться моментом: решил провести митинг. Собралось человек двести. Наше присутствие придало особое торжество. Все выступающие, говоря об успехах последнего времени, выражали теплые чувства к советскому народу, нашей помощи.

— Без вашей помощи наша победа была бы не возможна, — заявил комиссар в своем выступлении. В ответном выступлении Александр Васильевич заверил воинов дивизиона в том, что советские специалисты не пожалеют своих сил для оказания помощи вьетнамским друзьям. Он персонально поблагодарил стреляющего (командира дивизиона), офицера наведения и операторов сопровождения за отличную выучку и пожелал всем

новых успехов.

Позвонили с КП полка и просили прибыть туда. Там оказалась вся наша группа. Здесь нас ждал очередной прием в честь сбития самолета-разведчика.

Так начинался Новый 1969 год.

Письма на родину

Единственная связь с семьей, родными — письма. Но письма ходят так долго, что пока получишь ответ, позабудешь о чем написал в предыдущем письме. Умудрялись обходить официальную почту. Как? Написав письмо, отдаешь его знакомым ребятам в штабе Группы советских специалистов в Ханое. Они знают, кто когда уезжает в Союз (замены идут постоянно, одни уезжают, другие приезжают). Отъезжающие набивают свои карманы нашими письмами. Через сутки-двое они в Москве попадают в обычные почтовые ящики. Дальше как обычно — письма доходят до адресата, нигде не задерживаясь.

Карманы таможенному осмотру не подвергаются, а в чемоданах или сумках письма провозить не положено.

Нашим почтальоном стал Иван Старостенко, теперь уже работник штаба в Ханое. Ввиду его невостребованности в полку, мы согласились отпустить его туда. И он заделался там «штабной крысой», как не слишком любезно выражаются некоторые в адрес штабников, возможно, от зависти. Действительно, живет он в гостинице, имеет все удобства и не мучает его проблема, где помыться. А нам, простым смертным, живущим в бунгалах с земляным полом, страдающим от потниц на теле, мучающимся от бессонницы в жару и стопроцентной влажности, редко удается посидеть под феном и тем более в кабинете с кондиционером. У нас часто не бывает света, не работают холодильник и вентиляторы, негде помыться.

Иван Антонович долго резко держал себя с ребятами из периферийных групп. Но с нашей группой этого делать не мог, потому что знал: мы в любой момент могли возвратить его обратно. А роль почтальона он исполнял без нареканий, никаких задержек наших писем мы не замечали. А подобное случилось…

«Кому — война, кому — мать родная», — говорят на Руси. И недаром. Были у нас такие, кому вольготно жилось на войне… Но такие люди выявляются сами собой и получают заслуженную оценку, а то и кару.

О бытовых неудобствах мы, конечно, домой не писали. Передо мной пачка моих писем из Вьетнама, бережно сохраненных женой. Перечитывая их, не нахожу ничего такого, что могло бы как-то расстроить моих домашних. Все хорошо, все, можно сказать, в розовых цветах, будто нахожусь на курорте. Кормят отлично, овощей и фруктов навалом, не бомбят, совсем не опасно…

В одной из писем я описывал нашу поездку в Ароматную

пагоду. Показал ее как культпоход, смотрите, мол, как мы хорошо живем здесь. Культпоходы для нас устраивают. Только и веселимся. На самом деле такие походы — это развлечения. Тем более поездка состоялась 2 мая в праздничный день. Кстати, таких поездок было за год всего две. Первая, как сказано, в Ароматную пагоду, вторая уже перед отъездом из Вьетнама, в Хайфон.

Поездка в ароматную пагоду

Кратко опишу первый поход, ибо таких уголков мира редко встретишь, даже много поездив по свету.

Выше было сказано, во Вьетнаме живут люди разных национальностей. Каждый, кто этого желает — свобода совести гарантируется вьетнамскими законами — поклоняется своему богу. Здесь, таким образом, есть и католики, и буддисты, и другие — страна многоконфессиональная. Но отправляющих свои религиозные обряды в пагодах — большинство. И пагод здесь тысячи. Начиная от крохотных, например, «Пагода на одной ноге», до больших, вмещающих сотни и сотни верующих. Многие из них представляют архитектурную и историческую ценность. К таким несомненно относится Ароматная пагода. Она расположена к югу от Ханоя километрах в ста.

Для описания красоты этого уголка земли не хватит слов, до того здесь все чудесно, что выражение «райский уголок» как нельзя точно подходит к его характеристике. Пусть это будет восьмое, девятое, но это — Чудо света!

На горизонте выплывают вершины гор, покрытых сплошь зеленью, деревьями, кустарниками. Вон та, что в центре нашего взора, называется «Зонтиковая». За этими горами Лаос. Там тоже война, там тоже есть партизаны. Эти горы помогают им. Горы укрывают их в своих расщелинах, пещерах, под зеленью деревьев и кустарников. В горах проложены невидимые дороги и тропинки. По ним идут партизаны-освободители, неся за спинами оружие и боеприпасы.

Останавливаемся, автобусом дальше не проедешь. Дальнейший путь наш по реке на лодках. (Названия реки, к сожалению, позабыл, но знаю, что в нее впадает река Дай, на берегу которой мы пока живем). Идем на двух лодках, в каждой по 8–10 человек. На веслах подросток и лет 14–15, девушки, старики. Плывем долго, часа полтора. Помогать весельщикам нам не разрешают: «Не справитесь!» И действительно, весла здесь не такие, как у нас. Точно, не получилось бы. Вокруг такая красота! Река течет в предгорье, поэтому ее берега то резко вырастают вверх скалой, то тянутся низко вдоль равнины. Редко встречаются отдельные бунгалы, кое-где — рыбаки. Экскурсовод подробно рассказывает обо всем, что привлекает наше внимание. Вон на ту горку, по старой легенде, взобрался золотой буйвол, а затем вознесся в небо; вот здесь партизаны прятали оружие, а здесь ДЗОТ. На склонах гор пасется небольшое стало белых коз. Белых-белых! Нет, это не дикие козы, они к вечеру сами спустятся с гор

на дойку к своим хозяевам.

За Зонтиковой горой, если смотреть отсюда, слева мы выходим на берег и начинается подъем. Дорога еще не крутая, широкая. Через некоторое время видим дома. Несколько лет тому назад Вьетнамское правительство объявило эту зону, где размещены пагоды и пещеры, народным достоянием и организовало место «паломничества» и отдыха для туристов. Но сейчас они работают на неполную мощь, — война. Знакомят с обслуживающим персоналом.

— Нас посещают много иностранных гостей. Советские друзья так же наши частые гости, и мы стараемся их хорошо обслужить. Мы гордимся тем, что нас посетил космонавт N2 Герман Степанович Титов. Наша пагода оставила у него сильное впечатление. Вот его собственноручная запись, — поясняет нам руководитель Центра обслуживания и показывает запись Г.С.Титова в журнале отзывов. Здесь много записей на польском, китайском, русском и других языках.

Через полчаса отдыха трогаемся, нас ждет трехкилометровый переход по горным дорогам.

100–150 метров в высоту, и мы в Пещере фен. Пещера не слишком большая, внутри десятки статуй Будды, исполненных из разноцветных камней. Они пропускают свет наподобие матового стекла. Если посветить с одной стороны статуи хотя бы карманным фонариком, вся статуя светится и излучает свет во все стороны. Секретов никто не знает, таких камней в настоящее время в природе не найдено.

Известно, что эти пещеры открыты 2000 лет тому назад, найдены, то есть, стали известны человечеству. А когда отделаны пещеры, выполнены статуи и другие украшения? Может 3000 лет назад, может 4000? Это ли не чудо света?

Еще одно чудо. Свисающие с потолков и стен узорчатые камни (сталактиты?). Здесь еще чудо: они звенят! Каждый камень издает свой звук. Стукнешь тихонько рукой, щелкнешь пальцем — чарующий звук! Подбирая ноты, играй мелодию природы на звенящих камнях!

Вторая пещера на высоте 500–600 метров. Чтобы добраться до нее мы несколько спускаемся вниз, а потом поднимаемся по каменной лестнице. Вокруг пещеры такая красота! В дополнение к ней облака, оказавшиеся ниже нас — такой сегодня день. Внутри опять статуи, узоры на камнях. Статуя Будды, с изображением движения рук (как на рисунках в учебниках истории — несколько рук).

Не все, но многое из чудес мы увидели. Теперь спускаемся вниз. С нами вместе местная девушка, на плечах у нее коромысло,

в корзинах какой-то груз. Предлагаем помощь. Улыбается, но груз уступает: пожалуйста, мол, попробуйте. Пронес метров сто. Тяжело, черт возьми! Как только эта щуплая, маленькая ростом девушка несет такой груз, не останавливаясь, не отдыхая? Вьетнамские ребята, сопровождающие нас шутят, смеются: какие здоровые, а вьетнамской девушке уступают!

Время около пяти. Мы наконец дотащились до места отдыха. Устали, конечно, хотя все восемь пещер посетить мы не успели. Пора домой. Оставляем свои отзывы.

Обратная дорога опять по реке. Нас сопровождают плывущие буйволы, они тоже возвращаются. Оказывается, они очень хорошо плавают, даже ныряют. А на их спинах стоя едут 6–7 летние мальчишки.

Когда буйвол погружается в воду, видны только головы мальчишек. Такое зрелище, даже в цирке такого не увидишь…

Домой вернулись только к восьми вечера, а ведь выехали в шесть утра.

Командиры и технари. Наши будни

Наша группа, состоящая из 14 человек, постоянно переезжала с полком. Он менял свою дислокацию в зависимости от боевых условий. Командование ПВО-ВВС лучше нас знало, где усилить плотность огня, где можно временно ослабить. Но, в основном, наши находились в Ханойской группировке (потом она составила дивизию), рядом со знаменитым первым полком. Самый первый зенитно-ракетный полк был основной кузницей кадров для всех частей ЗРВ ВНА. Еще бы, этот полк прошел путь от первых пусков ракет по вражеским самолетам до самых сложных, ожесточенных боев. Были потери, поражения, ошибки. Бои закалили в боевом и моральном отношении, поэтому воины первого полка составили костяк вновь формируемых частей и подразделений. Командующие полков и подразделений — выходцы отсюда. В нашей группе, как было уже сказано, были специалисты при командирах: один в полку, четыре в дивизионах. Факт, что до приезда сюда в боевых действиях они не участвовали. Практические стрельбы проводили только на полигоне. Теоретическими знаниями они владели, но боевой опыт у вьетнамских командиров был значительно выше. Из сказанного видно, кто у кого чему мог учиться, и кто кого чему мог научить.

Другое дело у технических специалистов (8 человек во главе со мной). Здесь они постоянно принимают участие в подготовке техники к бою, анализируют результаты стрельбы, совместно с вьетнамскими инженерами и техниками делают соответствующие выводы, проводят занятия и т. д. Им не обязательно находиться на технике во время боя.

Специалист при командире дивизиона, чтобы быть настоящим знатоком боя, чтобы учить молодых стреляющих, должен принимать непосредственное участие в бою. В крайнем случае, хотя бы присутствовать на боевой стрельбе. Обеспечить их присутствие как раз и не удается. Во всяком случае в наше время. С весны 1968 года бомбардировки Северного Вьетнама стали значительно реже. (Выше мы выяснили причину этого). Для того, чтобы наши попали в дивизион именно к пускам, необходимо постоянно жить при стартовой позиции. Кто на это пойдет? Вьетнамская сторона строго соблюдала приказы о безусловном сохранении жизни советских специалистов. Указы и законы военного времени суровы. Поэтому приходилось им ограничиваться присутствием на тренировках боевых расчетов. Это тоже много давало им. Помню, восхищался натренированностью расчета кабины «У» подполковник Георгий

Александрович Татаринов.

— Все у них получается как надо: ни лишних движений, ни разговоров. Даже вместо доклада «вижу цель», они докладывают «ко» в настоящем бою! Виктор Иванович Мишенкин также посещал такие тренировки.

Но каждый день в дивизион ездить не было возможности. А он не любил сидеть без дела. Напрашивался на поездки вместе с технарями.

Он, бывший командир стартовой батареи, стал помогать вьетнамским ребятам по стартовому оборудованию, снискал в этой работе заслуженную благодарность.

Алмаз Закиевич Ибрагимов был грамотнейшим из них. У него институтское образование, он инженер. Знал почти все системы комплекса. Часто заменял меня, возглавляя группу в моем отсутствии (когда я уезжал в другие полки или работал в составе комиссии инженерно-ракетной службы). Он чаще посещал тренировки расчетов командного пункта полка. Позже, после приезда из Вьетнама, он стал начальником отдела боевой подготовки дивизии.

Об Иване Антоновиче Старостенко было уже сказано. Проработав в Ханое месяцев восемь, он уехал домой по семейным обстоятельствам. Военную службу закончил начальником школы младших специалистов (сержантов).

Александр Васильевич Дмитриев, выпускник военной командной академии, руководил работой группы умело. Строго спрашивал, но не пресекал самостоятельности и инициативы. Заботился о нашем быте, организовывал отдых. Вместе с врачом группы Игорем Павловичем следил за состоянием здоровья, соблюдением гигиены: стрижкой, стиркой, помывкой. Своевременно уложить спать — это тоже не маловажно. Без сна нет и продуктивного труда.

Кстати о помывках. В реках, озерах и других водоемах купаться нельзя. Они кишат мелкими и совсем немелкими живыми существами. Бань, как в северных странах, во Вьетнаме нет. Не в обычае. Где помыться? Хорошо, если поблизости колодец. Тогда проблема снимается. Если его нет? Тогда приходится его рыть. В двух местах так и пришлось делать. Не смогли подобрать места с колодцем. Мы помогали работникам бюро обслуживания рыть их, чтобы ускорить появление воды. А дальше проще. Строится небольшое сооружение из циновок. Ставятся рядом железные бочки с выбитым с одного конца дном. Заполненная водой бочка обкладывается дровами и разжигается огонь. Теплая вода есть! Это в холодное время. А в теплое можно и не подогревать, хоть колодезная, но этой водой можно

обливаться. Обливаемся из литровой консервной банки. Дно банки пробито множеством мелких отверстий. Набираешь из бочки воду, а она обливает тебя как под душем, мелкими струйками. Особенно приятно после работы.

Однажды кто-то решил устроить «настоящую» баню с паром. (Это было, когда мы жили недалеко от столицы вместе с инженерно-ракетной службой). Здесь стояла военная обмывочно-дегазационная машина. На ней имеются две железные камеры (с двойными стенками вроде термоса), в которые нагоняется горячий пар. Кому-то пришло в голову использовать этот пар как в бане. Садишься в камеру и открываешь пар. Вот тебе и баня!

Есть одно неудобство: дверь в камеру запирается только снаружи. Поэтому одному из парящихся нужно стоять рядом и открывать дверь, как только изнутри раздастся стук. Так заработала у нас баня. Мы тоже сходили в эту баню вдвоем с командиром.

Хозяином этой машины был вьетнамец, у которого получали разрешение. Он даже помогал топить печку.

Однажды подполковник Румянцев, недавно прибывший по замене вместо Шерстобитова, руководителя группы инженеров, решил положиться на хозяина установки и пошел туда один, без напарника. Истопник-вьетнамец, которого нередко видели и выпившим, и под «наркотой», почти ничего не понимал по-русски. Показав ему жестами: закрыть дверь, а затем, после стука открыть, Румянцев залез в камеру, напустил пар. По мере повышения температуры ручка вентиля-крана так накалилась, что не было возможно до него дотронуться. И вот наш любитель париться сидит в камере, пытается закрыть пар, но у него ничего не получается. Он уже обжег руки, пар продолжает поступать, хотя и не в том количестве как вначале. Он стучит во всю силу, кричит, никто не слышит и никто не подходит. Истопника нет. По-видимому, позабыв о своем клиенте, он куда-то ушел.

К счастью Румянцева, я шел мимо, заказывать машину на следующий день. Услышав отчаянный стук, я тут же открыл камеру. Оттуда вывалился весь обожженный парильщик. Все тело его было красным, сам он до того перепуган, что ничего не мог вымолвить. Тут подошли еще несколько человек из обслуги. Я посоветовал немедленно броситься в реку (в пяти метрах). В воде ему стало сразу легче, он с головой погружался в нее и долго не вылезал на берег. Кажется, все обошлось благополучно, во всяком случае, он в госпиталь не ложился, лечился на месте.

Разговоров об этом было много, в том числе и шуток, вроде: «Материальную часть знай, как пять пальцев, иначе испечешься как Румянцев». Здесь под словом «материальная часть» имелась

ввиду та злосчастная камера и ее вентиль-кран. Тут же вспоминали старый анекдот о летчике, вынужденно приземлившемся на территории противника и захваченного в плен. На допросах от него требовалось рассказать о каком-то узле его самолета. Он плохо знал матчасть и не мог ответить. Пытали, били — бесполезно. Когда возвратился из плена, якобы говорил своим сослуживцам: «Учите, ребята, матчасть, за незнание больно бьют».

В каждом почти письме на родину мы посылали несколько фотокарточек. Это фотографии, в основном, о наших буднях. Меньшая часть — пейзаж, архитектурные сооружения Ханоя, портреты друзей и знакомых. По фотографиям можно проследить жизнь каждого, так много набралось этих снимков. Но с годами фотографические снимки тоже, как и сам человек, стареют. Многие снимки выцвели, пожелтели. Но, наверное, сохранились пленки у наших нештатных фотографов. Когда-нибудь и их проявят. Посмотрят потомки эти мгновения истории, сделают выводы.

Из дома тоже приходили в письмах фотокарточки. Дети, жена. Старшая дочь учится в школе, сама пишет письма, присылает свои рисунки. Я тоже ей пишу отдельные письма, пишу более четким и крупным почерком, она окончила только второй класс.

Все мы скучаем по родине, по родным и близким. Они снятся во сне. И не только они. Снятся морозы, снега, березы, даже пища…

Осенью наш доктор Игорь Туркин побывал на Родине. Сопровождал больного офицера из соседнего полка. Его укусила какая-то заразная муха (комар?), он заразился и заболел тяжелой болезнью. Долго лечили в госпитале. Доставили из Японии какую-то сыворотку, но не помогло. Решили отправить в Союз. Вот его и сопровождал самолетом наш доктор. Он сумел заехать на обратном пути к семье, позвонил женам или родственникам наших ребят, у кого были телефоны, передал приветы, рассказал о нашей жизни. Привез с собой целую кучу подарков и «наших» продуктов. В том числе большую банку селедки (ее здесь почему-то не было), несколько буханок настоящего ржаного хлеба.

Три килограмма селедок со ржаным хлебом мы съели за один вечер! Вот до чего соскучились! Да, человек привыкает ко всему, что окружает его с самого дня рождения, к природе, людям, даже к той же пище, что забыть он это не в состоянии. Где бы человек не находился, куда бы судьба его не забрасывала, он привязан к своей Родине, он связан с ней видимыми и невидимыми нитями.

Ответственное поручение генерала

В небе Ханоя временное затишье. Не слышно звуков сирен о воздушной тревоге, не было объявлений по городской радиосети: «Граждане, внимание, граждане, внимание! Американские самолеты приближаются… Расстояние — 50–30 километров. Так было в первые месяцы нашего пребывания во Вьетнаме. Не было тревог, не было и отбоя воздушной тревоги: «Май бай ми да бай са» (американские самолеты улетели). Но были еще радостные возгласы на стартовых позициях: «Бан жой!» (Сбит!), так как постоянно летали разведчики.

Я сижу в номере гостиницы один. Жду появления генерала Кульбакова. Это он вызвал меня в Ханой. По какому вопросу — пока мне неизвестно. В штабе мне передали, чтобы я его ждал в гостинице. Сейчас он занят, а вечером сам меня найдет. Жду.

Около шести часов раздается стук в дверь и тут же открывается: в двери Владимир Михайлович Журавлев, подполковник, командир группы при «морском полку». Остатки рыжих волос на лысой голове растрепаны. Видно: уже выпивший.

— Привет земляку!

— Привет! Откуда, куда?

— Откуда — известно, куда тоже — домой, в Союз. Чего не заходишь? Я ведь давно здесь. Жду самолет.

— Я не знал, что ты уезжаешь. — Он приехал месяца на три раньше нас, значит, и уедет раньше. Вообще Владимир Михайлович сначала был старшим в нашей группе и готовился и курсы вместе проходил, потом его внезапно отправили раньше нас. Дело в том, что он бывший морской офицер, окончил высшее морское училище. При реорганизации Армии и Флота попал в ПВО, окончил командир академию. В 1967 году было принято решение о формировании полка с уклоном стрельбы по надворным целям. Больно уж близко стояли и подходили вражеские корабли к берегам Вьетнама, обстреливали побережье и дорогу номер один. Вот и назначили в этот полк бывшего моряка. С Журавлевым мы иногда встречались на совещаниях, но поговорить о его делах как-то не получалось. О пусках ракет по кораблям я не слышал, но факт остается фактом: корабли отошли от берега на безопасное расстояние. Как летит незаметно время: он уже уезжает!

— Давай выпьем! Посидим, поговорим…

— Не могу, Володя, жду генерала Кульбакова.

— А жаль, хотелось о будущем поговорить. Скучно здесь. Все вокруг заняты делом, а мне нечего делать. В полку другое дело.

Но в полку меня проводили. С подарками, добрыми словами. Устроили грандиозный прием в мою честь, остальные ребята-то из группы еще раньше заменились. Этим я доволен. Но многим другим — нет.

— Например…

— Например тем, что я малообразованный командир по технической части. Имел бы инженерное образование, было бы гораздо интереснее. Как командир, я хорошо знаю театр военных действий. Где и сколько войск, их вооружение, систему управления. Знаю место и количество средств воздушного нападения: на авианосцах, островах Окинава, Гуам, Утопао, Филиппинах, Тайланде; типы самолетов: Б-52, Ф-4, Ф-105, Ф-111, палубных штурмовиков А-4,6 и т. д., тактику их действий… Но не знаю, что такое АЛКю-51, КюРСи-160. Плохо представляю и различаю каналы цели и ракеты. Не интересно воевать против них, не зная четко, что они из себя представляют. (Это Володя по памяти называет марки передатчиков помех, применяемых на американских самолетах).

— Вас же учили в академии и по части техники.

— А-а, ерунда это, не знания. Только по верхушкам. Да и отношение наше было плевое, лишь бы сдать экзамен. Теперь я уверен, будущий командир должен быть одновременно и инженером. Тогда он настоящий командир.

— Это твой главный вывод, Володя?

— Да, это самый главный вывод. Приехав домой, об этом буду непрестанно твердить во всех инстанциях. — Он замолчал. — Ладно, поговорили. Встретишься с Кульбаковым, заходи ко мне — буду ждать. — И ушел.

Генерал Кульбаков приехал только часов в десять. Уставший, видно много работы у него. Разговор поэтому длился не долго. Мне поручалось написать Дополнение к инструкции по поведению контроля функционирования станции наведения ракет, с раскрытием каждого действия, каждой операции, их физического смысла.

— Я не могу поручить эту работу только что прибывшим инженерам. Малограмотным тоже, несерьезным и ненадежным людям — тем более. Срок — как можно скорее. Имейте ввиду, оно должно быть обсуждено, принято, переведено на вьетнамский язык, распечатано. Это очень важный и необходимый для войск документ. Привлекайте кого угодно, посещайте любое подразделение — Вам будут предоставлены все права, созданы все условия. Не спрашиваю: справитесь ли? Знаю — справитесь. Есть вопросы?

— Никак нет, товарищ генерал. Спасибо за доверие.

— Я так и думал, что Вы не откажетесь. С утра за работу. До свидания, спокойной ночи.

Это было ответственейшее поручение. Очень, но как откажешься?

На второй день я опять пошел в посольство. Нужно встретиться с подполковником Румянцевым. Хотелось заручиться и его поддержкой. Но он только отмахнулся.

— Не могу я отвлекать людей своих на такую работу. Я ему уже докладывал. И доказал, что у моих инженеров по горло своей работы. Пусть привлекает преподавателей из академии. Они теоретики, это их дело. — Я понял, что от него помощи не дождешься.

Старший группы преподавателей при академии полковник Антонов, которого встретил во время обеда в ресторане, тоже не поддержал. «У меня преподаватели больше соображают по части стрельбы, и то в теоретической части. Не можем ничем помочь…»

Идти к Кульбатову и отказаться? Нет уж, будем делать своими силами. Я, Алмаз Закеиевич, остальные ребята.

Вообщем, поехал я в группу, собрал ребят и передал приказ генерала. И пошла работа…

Не буду описывать как мы напряженно работали. Это была одна из ответственных работ, которую мы с честью выполнили. Не досыпали, не доедали, но работали самоотверженно. Она была вкладом в успех всеобщей победы. Это не высокопарные слова, это и не бахвальство. В особой необходимости этой работы мы были уверены, поэтому так увлеченно работали.

Наш проект был обсужден в широком кругу (до утверждения этот документ был проектом) и передан на суд Командования ПВО-ВВС. К сожалению, дальнейшей судьбы нашего творения мы не знаем. Во-первых, потому что вместо Кульбакова прибыл другой, генерал Стучилов Александр Иванович. Во-вторых, в начале февраля нам прибыла замена. Чтобы не случилось резкой перемены взаимоотношений между сторонами (а это тоже случается), мы вместе с вновь прибывшими должны были некоторое время отработать вместе. Этого желало и командование полка. Мы старались как можно быстрее ввести новых товарищей в курс дела.

Переезд в Ханой. Даманские события

Мы пробыли во Вьетнаме 11 месяцев. Задачи, поставленные перед нашей группой, были успешно выполнены. Так оценило командование.

Пройдя все церемонии прощания, мы уехали из полка. Затем были приемы в честь нашего отъезда у Командования ПВО-ВВС, в посольстве Сикуан Лиенсо. В это время мы жили в гостиничном комплексе Ким Лиен. Готовились непосредственно к отъезду: покупали подарки, сувениры, укладывали чемоданы. За нашей группой был оставлен один автобус, на котором при необходимости мы ездили по городу. Со дня на день ждали отъезда. День проходил за днем, а его не было. Причину никто не раскрывал. Но слухи всякие ходили из уст в уста: обострение отношений с Китаем.

В посольстве бываем почти каждый день, или командир, или я. Там жизнь кипит по-прежнему, как в муравейнике: нескончаемый поток людей, приходят, уходят… Никто здесь без дела не ходит, каждый решает какой-то вопрос, согласовывает, просит, предлагает. В один из приездов видел группу моряков наших океанских судов, прибывших из Хайфона для решения каких-то вопросов. Познакомился с капитаном грузового судна. Интересовался: нет ли возможности уехать с ними. Такая возможность есть, но он может взять только одного человека, больше пассажирских мест нет. «Решайся, я сегодня вечером отбываю в Хайфон, — сказал он. Нет, мы по-одному не будем разъезжаться, вместе прибыли, вместе и уедем».

В другой приезд встретился с летчиками, обслуживающими самолет Президента Хо Ши Мина, любовно называемого людьми Бак Хо — Дядюшка Хо. Руководитель их, Хусаинов Владимир Николаевич, оказался моим земляком (позже, много лет спустя мы встретились с ним, заслуженным летчиком СССР, в Казани и сейчас поддерживаем связи).

Вдруг Даманские события. Дело шло к взрыву в отношениях между двумя великими державами. Этот взрыв случился на границе. Точнее, на острове Даманском, стоящем на середине реки Амур.

Принадлежность его той или иной стране давно оспаривался. И вот… Вооруженное, не шуточное, военное столкновение. Весть об этом облетела весь мир мгновенно, не обойдя стороной советских людей во Вьетнаме. Теперь стало ясно, что путь через

Китай на Родину нам закрыт. Так и случилось: сначала решением Посла выезд из Вьетнама советских граждан был приостановлен, а вскоре Министерство иностранных дел СССР дало указание о запрете проезда.

Рассказывая о Даманских событиях, я не имею ввиду само решающее столкновение на острове. События, пока без крупных военных действий, начались еще в январе-феврале. Ребята, прибывшие к нам на замену, были одними из последних, проехавших через Китай с той стороны. Мы, возможно, тоже могли бы проскочить, если бы уехали сразу после приезда, но… Пока мы были отрезаны от Родины и бессильны. Добираться морем? Пассажирские суда не ходят, на грузовых мест почти нет. А отъезжающих, между прочим, набралось уже более ста человек. Сидим без дела в гостинице и ждем «погоды». Кто чем занимается: кто играет в карты (теперь можно, раньше в группе это не разрешалось), кто в биллиард, кто в волейбол, благо здесь есть площадка. Пешие прогулки по столице несколько затруднены: недавно появились знаки «С», означающие «иностранцам проход воспрещен». Мы уже несколько раз попадались.

Сразу после переезда в Ханой нам вручали вьетнамские государственные награды. Церемония происходила в здании штаба ПВО-ВВС.

Она, церемония вручения, очень взволновала нас и запомнилась на всю жизнь.

Мы стояли у одной из стен в несколько шеренг и рядов. Было торжественно. На лицах гордость, радость. Все присутствующие без исключения получили медали «За солидарность в борьбе с американским империализмом». Несколько человек, в том числе и я, были удостоены ордена «За боевой подвиг» 3-ей степени. Грамоты к этим медалям и орденам подписаны соответственно Премьер-министром страны Фам Ва Донгом и Президентом ДРВ Хо Ши Мином. Как не гордиться этими наградами! По своему статусу орден приравнивался, как нам объяснили, нашему ордену «Слава». Да и вид его такой же: звезда. В тот вечер для нас был устроен торжественный прием.

Еще хочу рассказать о других иностранных специалистах, работавших в тот период во Вьетнаме. Уже не мало было сказано о китайских военных специалистах, о корейских летчиках. Но во Вьетнаме было много гражданских людей, оказывающих посильную помощь в различных отраслях народного хозяйства. В гостиничном комплексе Ким Лиен жили немцы, болгары, поляки и другие. Мы жили с ними по соседству, ходили питаться в одну столовую, ходили в кино. Тесно общались. Здесь были

геологоразведчики, наши и румыны, связисты, преподаватели и другие. Шла война, но руководство страны думало уже о будущем. О восстановлении народного хозяйства, о разработке полезных ископаемых, о подготовке будущих кадров. Это великолепно, когда страна думает о своем будущем! Это вселяет огромную веру в победу!

Немецкие специалисты жили с нами в одном корпусе. Немцы поставляли радиостанции и они помогали в их эксплуатации, ремонте. Приехали они по замене недавно, вьетнамского языка не знали. Переводчик у них был свой, из немцев. Когда его не было рядом, мы пытались общаться на немецком (многие наши изучали в школе этот язык). Оказалось, что в результате отсутствия разговорной практики, а также того, что во время пребывания здесь занимался исключительно вьетнамским языком, немецкий изрядно выветрился из головы. Их понимаю, а говорить, выражать свои мысли разучился. Многие слова вспоминаются с трудом. Сбиваюсь на вьетнамский и все!

В Минске, где учился в конце пятидесятых, в начале шестидесятых годов, имел хорошую практику в немецком. Довольно бойко разговаривал, свободно читал. А тут совсем не получается.

Парень, с которым столкнула жизненная ситуация, совсем не знал вьетнамского, а русский только в пределах школьной программы. Рихард подошел ко мне рано утром, когда я еще занимался физзарядкой. У него была опухшая щека. Сказал, что всю ночь не сомкнул глаз, просил показать нашим врачам-хирургам. Вид у него действительно был не из красивых. Вижу — парню надо помочь. Как, еще не знаю. На втором этаже живет мой давнишний знакомый хирург Радовский, это тот, который меня оперировал. Кричу, задрав вверх голову.

— Саша, выйди на минутку!

— Что случилось, Каим дорогой? Доброго утра всем! — сказал он, увидев нас двоих. — Что-нибудь серьезное?

— Не знаю, Саша, серьезное или нет, но думаю надо помочь, видишь, парень совсем замучился.

— Почему не идет в санчасть? Откуда он?

— Дело в том… Он немец.

— Ах, так. В таком случае я вынужден ему здесь же отказать. У них в посольстве есть свои врачи, пусть туда обращается.

Я перевел слова хирурга. Рихард заговорил быстро, горячо, видимо он боялся быть не выслушанным. Ругал своих врачей, еще кого-то. Но главное, что он сказал: в немецком посольстве нет хирурга. Очень просил помочь попасть к хирургу.

— Да, хирурга у них нет (Саша, конечно, знал об этом). Ну,

иди сюда, посмотрю. — Он спустился вниз. Быстро пощупал опухоль, сказал:

— Не могу сказать от чего образовалась опухоль, но резать уже можно. Ха-ха! Не говори «резать», скажи: пусть приходит, желательно до начала рабочего дня. До встречи! — И он ушел к себе.

В санчасть приехали без пятнадцати минут девять. Провожу Рихарда к Радовскому, а сам иду в посольство, у меня там кое-какие дела. Об этом предупреждаю водителя. Минут через сорок, закончив дела, выхожу из посольства, иду к санчасти. Автобуса нет, Радовского тоже. Куда уехали? Иду обратно к посольству и жду. Вижу: проезжает автобус мимо, не останавливаясь, там сидит Саша. Через пять минут возвращается, — видели, что я здесь стою.

Рихард ожил, на лице улыбка. Опухоль разрезана, гной выдавлен. Наложен томпон, приклеен лейкопластырем. Действие обезболивающего, наверно, еще не прошло.

— Где пропадали? — спрашиваю.

— Съездили в гостиницу, к врачу нужно было.

— Ну ладно, — говорю. — Поехали.

— Заедем по пути в международный магазин? — Я соглашаюсь, крюк не большой. Это на берегу озера «Возвращенного моря».

Рихард, ничего не говоря, уходит в магазин (мало ли какие покупки нужно сделать?) и тут же возвращается.

— Пойдемте, геноссе Каим, я прошу.

— Зачем?

— Пойдемте. Пожалуйста. — Иду за ним. Он подводит меня к занятому столу. Здесь кафетерий. На столе стаканчики, бокалы. В рюмочках по две порции коньяка, бокалах сок.

— Я Вам также очень обязан, пожалуйста, угощайтесь! — Теперь я понимаю, почему он привез нас сюда. Знал бы — не поехал. «Я вам тоже» — это значит, что Радовского уже угостил.

— Доктора сюда привозил?

— Нет, мы с ним выпили понемногу в гостинице.

— Я пить не буду. Не могу — служба. — Он меня долго уговаривает. Спорить долго не стоит, выпиваю глоточек, остальное выливаю ему.

— Спасибо за угощение, Рихард. Допивай остальное — пусть «добро» не пропадает, и поехали домой. — Он пьет, но выходить к автобусу не спешит. Болтает без умолку, от выпитого и бессонной ночи, конечно, язык развязался полностью. Надо уходить. Это не место для развлечения. Здесь всегда почти все иностранцы.

Вижу, на нас обращают внимание. На улице трое мужчин,

указывая пальцами на нас, о чем-то спорят. Не наши, не советские. Предлагаю Рихарду взглянуть в ту сторону.

— Это наши, из посольства, — выцеживает он. И тотчас начинает, кажется, трезветь. А двое из тех мужчин заходят уже в магазин. Проходят к нашему столу. Рихард встает. Здороваются по-русски (нас узнают по присущим только нам «признакам», это уже проверено на практике, оспариванию и обсуждению не подлежит). Затем перешли на немецкий. Спрашивают: кто, из какой группы, кто старший, почему в таком виде здесь. Рихард отвечает, он стоит по стойке «смирно». Таков, видимо, установившийся у немцев порядок — орднунг. Посматривают на меня. Я подтверждаю все сказанное Рихардом и заверяю, что через двадцать минут будем в гостинице, доложим (я так и говорю: доложим) старшему все как есть. Войдите в его положение, простите его, если бы в немецком посольстве был хирург… Последние слова, кажется, больше возымели действия, чем все остальные. Со мной соглашаются. Мы быстро уходим под сердитыми взглядами. Я подумал: один из них безусловно из той самой «службы»…

Вечером немцы все-таки пригласили нас к себе в гости. Поблагодарили за помощь Рихарду и вообще…

Два генерала. Размышления о Вьетнаме

Прошло еще несколько бесконечно длинных дней. Все ждем. Не зря говорят: труднее всего догонять и ждать. Так оно и есть. Даже книг у нас теперь нет, все сдали. Единственное «окно» в мир — радиоприемник. Мы приобрели их с командиром здесь, в посольском магазине. ВЭФ, производства Рижского радиозавода, в экспортном исполнении. В нем, по сравнению с советским вариантом, добавлены еще три диапазона: 13, 16, 19 метровых. Слышимость прекрасная. Вражеские радиоголоса у нас в Союзе «давят», то есть, ставят помеху. Здесь у передатчиков помех нет. Кроме того, ретранслирующие передатчики находятся близко, сильный радиосигнал сам давит помеху, если она есть. А передатчики на крупных военных кораблях США: авианосцах…

Наши коротковолновые станции слышны тоже хорошо. Сопоставляем информации с той и нашей стороны. Ложь и правда… Ленин не пренебрегал чтением газет своих явных противников. Мы следуем его примеру. Нас одной ложью не возьмешь.

Над нами, на втором этаже, живет генерал Стучилов Александр Иванович. Над ним, на третьем, старший группы специалистов по авиации — генерал-майор авиации Анциферов. Они живут одни в своих номерах, мы с Дмитриевым вдвоем. Я лежу сегодня на своей койке, наши все куда-то ушли, я не захотел, и слышу через открытую дверь на балкон как переговариваются два генерала. У них сегодня выходной. Нас они не стесняются, иногда ведут себя как дети. Подшучивают друг над другом. Убрав мусор на своем балконе и завернув в бумагу, генерал с третьего этажа кидает на второй. А другой старается закинуть этот сверток обратно. «Твой мусор!» «Нет, твой!» Ну, точно детишки. И это надо, нельзя же жить одними мыслями о службе, думаю я. Через некоторое время голоса стихают. Я погружаюсь в свои мысли.

А мысли мои о войне, о великом противостоянии двух общественно-политических систем, о странах и народах в освободительных процессах. Быть свободным от чужой воли — вот святая цель и мечта. Великая благородная цель. Достигается она иногда путем огромных жертв в борьбе. Страна вьетов, так, кажется, переводится на русский слово Вьетнам, вот пример мужества, героизма, выносливости в достижении своих целей, в завоевании своей свободы.

Китайцы, японцы, французы, теперь американцы. Почему приходили и сейчас пришли эти завоеватели? Покорить, воспользоваться чужими богатствами? Поработить аборигенов, использовать их дешевый труд в своих корыстных интересах? А были ли они уверены в своей победе? Неужели не думали о том, что этот народ победить нельзя! Пытались покорить, уничтожить этот народ — ничего, ни у кого это не получилось. Ведь недавно были изгнаны французские колонизаторы, потерпели окончательное разрушительное поражение при Дьен Биен Фу, поняв бесперспективность стремлений к порабощению, ушли.

За освобождение Южного Вьетнама борется весь вьетнамский народ, и Юга, и Севера. Победа принесет воссоединение страны. Цель агрессора: перекрыть все возможные связи Севера с Югом, тем самым ослабить освободительные силы Юга и добиться над ними победы. Но этому не бывать. Несмотря на то, что противник постоянно контролирует демаркационную зону в районе 17 параллели с воздуха, связь между Севером и Югом действует! Она не прерывается ни на час. Осуществляется она по «Тропам Хо Ши Мина», как назвали их в народе. По ней непрерывно идет оружие, боеприпасы, продукты питания и все, что необходимо. Нам часто приходилось видеть колонны людей, двигающихся в направлении горной гряды, тянущейся вдоль границы Вьетнама с Лаосом. Эти колонны движутся только ночью, растянувшись на километры, обычно по обочине дороги. Оружие и грузы несут на спине, а также на велосипедах. Интересно, что даже в такой движущейся колонне, оказывается, можно отдыхать, спать. Как? Двое несут на плечах длинный бамбуковый шест. Посередине него привязана в двух местах сложенная пополам обыкновенная плащ-палатка. А в ней лежит человек и… спит. Так несут и больного, и раненого.

Дороги и тропинки в горах под покровом растительности обнаружить с воздуха невозможно. Кроме того, там много пещер, расщелин, в которых можно укрыться, сделать привал, отдохнуть.

Не-е-т, плохи дела у американцев с сателлитами при непрекращающейся помощи Севера Югу! При таком героизме народа, его патриотизме. Ни бомбардировки, ни мины, ни «бомби» — шариковые бомбы, ни напалм не могли остановить патриотический пыл народа, убить его гнев и ненависть.

Мастерству бить врага бойцы народно-освободительной армии учились на учебных подготовительных пунктах и, главное, в бою с реальным противником. Когда мы жили на ихтиологической станции, недалеко от нас временно размещался один из таких учебных пунктов.

Занятия шли в прилегающих местах, так что мы изредка, поневоле, видели их. От нас они не скрывались, некоторые

занятия и учения проводились даже на территории станции. Едешь, бывало по дороге на машине, вокруг тишина, не видно ни одной живой души. Вдруг громкая команда: все кустарники, кочки приходят в движение. Оказывается, здесь было замаскировано целое подразделение из сотен бойцов — оно стремительно атакует условного противника.

Рядом с нашим спальным корпусом стояло полуразрушенное трехэтажное здание. Двери и окна выбиты при бомбежке, крыша сгорела, потолки провалились. На этом здании и отрабатывались элементы захвата многоэтажных домов в условиях города. Многие видели спортивные прыжки с шестом. Спортсмен, держа шест с одного конца, разбегается и прыгает. Шест, пружина, подбрасывает его на высоту 4–5, даже 6 метров. Так преодолевает он специальную планку. Здесь же, для внезапного попадания на более высокие этажи дома (в окно или на балкон), используется тот же инструмент — шест из бамбука. Только он длиннее, чем у спортсмена, и ему, прыгающему, помогают двое его товарищей. Все трое бегут, держа шест параллельно земле, двое держат шест впереди, а прыгающий сзади. Добежав до здания и уперев шест в землю, задний прыгает, а передние во всю силу поднимают его вверх. Тот, который сзади, держась за шест, взмывает высоко вверх. Это удивительное зрелище. Если бы не война, можно подумать, что здесь тренируются цирковые артисты.

Так лежу на своей кровати, смотрю в потолок и предаюсь важным и глубоким мыслям о судьбах Вьетнама, о войне, о мире, о независимости. Представляю округ Виньлинь, слышал о разрушенном городе Хосе. Своими глазами видел разрушенный Хайфон и другие города, жертвы бомбежек и многое другое. Вспоминаю экспонаты в Музее революции. В стеклянных сосудах, заполненных спиртом, части тела человека, обоженных напалмом, искромсанных осколками бомб, шариками «бомби», выделывающими в теле человека немыслимые дугообразные отверстия. И еще много вещественных доказательств жестокости и зверства агрессора. Когда это кончится?

Последние дни

Наступил наконец финал наших ожиданий; пришел за нами самолет. В тот день я был в посольстве, чтобы узнать новости. Все сомнения отпали, когда увидел группу летчиков в форме аэрофлота. С ними командир группы экипажей самолета Президента ДРВ Владимир Николаевич Хусаинов. Самолет ИЛ-18 приземлился на аэродроме Ной Бай (тогда там был военный аэродром, а ныне это Международный Ханойский аэропорт). Они прибыли разведать ближайшее летное поле в Заляме. Здесь полоса короче, чем в Нойбае. Но опытные летчики к вечеру перегнали самолет в Залям. Завтра рано утром вылет. Летим по маршруту: Ханой — Калькутта — Карачи — Ташкент — Москва. Из Калькутты полетим по расписанию линии Джакарта — Москва.

В четыре часа ночи мы на ногах. Вещи наши давно, со вчерашнего обеда, уложены в автобусе, стоящем у подъезда. В чемоданах кое-какие подарки, сувениры, теплые вещи, в которых приехали в марте прошлого года в теплый Вьетнам. Ждем команду — все должно идти по заранее составленному расписанию. Стоим возле автобуса, курим. Кто-то спрашивает:

— Почему нас так рано подняли, а не везут?

Ответы на все вопросы у водителя автобуса:

— Чтобы китайцев запутать: поднялись, не едут, значит, вовсе не поедут. А мы подождем, подождем, да все равно поедем. — Хохочем. А вообще этот наш водитель балагур и шутник. С ним всегда весело.

Вот, наконец, мы на аэродроме Залям. Ровно год назад здесь мы приземлились на стареньком самолете ИЛ-14. Отсюда же улетаем. Как быстро пролетело это время! В то же время как оно долго тянулось! Скоро попрощавшись с провожающими, идем к самолету. Нас встречают девчата-стюардессы. Их трое. Готовят завтрак. Все, расселись, готовы к взлету!

Напрасно радуемся, вылет откладывается. Предлагают покинуть самолет и находиться в здании аэропорта. Я выхожу одним из последних. Тут меня окликнули, сзади. Женский голос:

— Товарищ майор, а Вы нам не поможете? — Я поворачиваюсь к голосу. Там, рядом с буфетом стоят девчата и улыбаются.

— Какой может быть разговор? Таким красавицам — да не помочь? С превеликим удовольствием. Что делать?

Нужно открыть консервные банки.

В высоких, с локоть, жестяных банках — сосиски. Не нашего производства. Надпись на немецком и русском языках. Девчата

раскладывают их по тарелкам и ставят на подогрев.

Работа ладится, шутки, смех этому не помеха. Между прочим выясняется кто откуда, кто что любит… И… кого любит.

Оказалось, девчата давно летают на линии Москва — Джакарта. Не впервой заворачивают их в Ханой. Откуда знают, что я майор? Не знают они этого, просто решили пошутить. Если ошибутся, назовут капитана майором — ничего страшного, будет капитану приятно. Если подполковник… — едва ли полковник в Вашем возрасте, тоже приятно.

Тут кто-то из девчат замечает:

— Вы соскучились по соленым огурцам? Верно? Угадала? — Угадывать-то тут нечего: я с самого начала кошу взглядом на поднос с солеными огурцами. Наверно и шевелю желваками, глотая слюну. Будешь глотать, если целый год их не видел и не пробовал. Только огурцы средних полос пригодны для соления. Я не строю из себя скромника.

— Ой, ой! Как мы сразу не догадались? Пожалуйста, пожалуйста, берите, кушайте. Вот хлеб. — Другая уже подносит ко мне весь поднос. Я отправляю в рот несколько кусочков.

— Давайте, девочки, предложим Каиму (а мы уже перезнакомились), еще чего-нибудь отечественного. Под эту закусочку, а? Не возражаете? — Как откажешься? Конечно, хочу!

Откуда-то появляется шкалик водки. Сто грамм. Хорошо ли, если выпью? Что подумают? Девчата будто угадывают мои мысли:

— Мы тоже с Вами. Поздравляем с возвращением!

— С возвращением?

— Считайте себя как у себя дома, здесь, в самолете, Вы- на Родине! — У девчат в руках шкалик коньяка. Выпиваем. Как мне хорошо! Они понимают мои чувства, многих таких как я провожали и встречали эти девчата. Спасибо им!

Задержка недолгая. Скоро взлетели.

После набора высоты — завтрак. Я сижу на своем месте, завтракаю. В моей тарелке огурчиков больше, чем у моего соседа. Танечка улыбается: мол, ешьте, ешьте, Вы заработали!

Вот так начинается наше возвращение на Родину: улыбки милых стюардесс, соленые огурцы. И светлые грезы…

Летим над Лаосом. Горы, долины. Через некоторое время бескрайний простор океана слева в иллюминаторе, темно-голубой цвет которого незаметно соединяется с голубизной неба.

Прилетели в Калькутту. Многолюдный аэропорт. За железным забором толпа зевак. С любопытством смотрят на нас. Здесь легкий завтрак: соки, фрукты. Не больше. Доллары, выданные на дорогу (на непредвиденные случаи) не расходуем. Пока нас кормят. Все идет нормально. Мы здесь не пассажиры

спецрейса, а обыкновенные пассажиры, следующие по маршруту Джакарта — Москва.

Следующая посадка в Карачи. Взгляд на город с высоты птичьего полета непосредственно перед посадкой. Замечаем несколько военных городков. Плац для строевых занятий, строи солдат (мы же военные, знаем, что к чему). Ясно различаются шагающие шеренги… характерные признаки всех военных городков.

Аэропорт полупустой, очень мало пассажиров.

В Ташкенте приземляемся поздно ночью. Ступаем с трапа на родную землю. Некоторые пробуют твердость под ногами, иные подпрыгивают, еще им не верится, что мы на родной земле.

Кормят в ресторане, находятся в карманах пролежавшие целый год десятки и пятерки. К хорошим закускам прикупают спиртного. От радости российский человек всегда выпьет, это уж так принято.

Утром приземляемся в Шереметьево. Здесь еще лежит снег, как тогда, когда мы отсюда улетали. Вот она — столица! Блестит огнями, улыбается — встречает своих из дальних краев.

Несколько дней на оформление документов, расчетов, отчетов. Нас устроили в приличной гостинице, но я живу, то есть ночую, у брата моей жены. Здесь у него за день до отлета во Вьетнам, мы открыли бутылку старки («Старая водка»), и оставили ее не допитой — допьем после благополучного приезда. Допиваем ее. Все меня поздравляют.

Но душой я уже в Пензе, где меня ждут жена и дети…

Поезд прибывает утром. Беру такси и немедленно домой. Мои все дома, ждут. Детей жена не пустила ни в школу, ни в садик. Горячая встреча: жена в слезах радости, старшая дочь тут же на колени и никуда больше. Только младшая сторонится — не узнает. Это результат моей секретной командировки. Комок в горле, не выдержал — заплакал. Плачу, не скрывая слез. Тогда Лиличка прижимается (не ко мне!) к матери и спрашивает:

— Мамочка, почему этот дядя плачет?

Что-то хочу сказать, ответить младшенькой, но комок в горле не дает мне сказать, ответить ей. Как тебе объяснить, доченька? Ты еще не знаешь, что такое война, смерть, расставания и встречи. Этим ты счастлива. Радуйся, приехал твой отец. Насовсем приехал.

— Иди ко мне, доченька, — И посадил ее на колени. — Не дядя я, твой папа!

Послесловие

Уважаемый читатель наверно понял, что в этих записках, вполне документальных, все персонажи реальные люди. Географические пункты, в которых происходили события, также не изменены, как и фамилии и имена. Возникает вполне уместный вопрос: почему столько времени молчал автор. Надо сказать прямо, они написаны более двадцати лет назад. Но лежали в ящике письменного стола. Я даже и не думал, что они появятся в печати. Но времена изменились, такая возможность появилась. Трудно жить в рамках запретов. Такая жизнь убивает человека морально, калечит его дух, подрывает здоровье. Слабые не выдерживают. Некоторые из наших, побывавших в секретных командировках, не вынесли безызвестности, внимания со стороны государства. Им не хватило, может быть, самого малого: правильной оценки его ратного труда и чуть-чуть открытости. Здесь речь не только о тех, кто воевал во Вьетнаме. Судьба забрасывала советских военных во многие страны: Сирия, Египет, Куба, Ангола, Афганистан и другие. Глубокие раны остались на душах от этой «братской помощи». И не только отдельные люди пострадали. Пошатнулся международный авторитет всего Советского Союза. В конце концов «нерушимый союз» распался.

У нас, вьетнамцев (мы так сами себя называем), совесть более чиста, чем у некоторых других. Мы были участниками самой справедливой войны со стороны Вьетнама. Стояли против агрессора. А как чувствуют себя те, кто вынужденно, против своей воли, принимал участие в войнах в Афганистане и им подобных? Являются ли они нормальными членами общества, в котором живут? К сожалению, жизнь не дает положительного ответа на эти вопросы… Хотелось бы, чтобы такое больше никогда не повторилось, никогда!

И как говорят офицеры: честь имею!